

Научная статья
УДК 94(470)
doi: 10.17223/2312461X/49/2

Канон наследия и национальные окраины: от советских списков памятников истории и культуры к объектам культурного наследия России

Екатерина Александровна Мельникова

*Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия,
Melek@eu.spb.ru*

Аннотация. Исследуется история формирования и изменения канона культурного наследия в России с советского периода до настоящего времени. Основными источниками служат списки памятников истории и культуры, которые рассматриваются, с одной стороны, как материальное воплощение меняющейся исторической и национальной политики, а с другой – как свидетельства ключевых противоречий между централизованными и региональными подходами к определению ценности наследия. Прослеживается эволюция критериев отбора объектов наследия – от руссоцентричного и европоцентричного канона 1930–1940-х гг. к более диверсифицированным и децентрализованным практикам постсоветского времени, позволяющим локальным экспертным сообществам не только участвовать в экстенсивном пополнении корпуса национального достояния, но и менять сами критерии определения ценного прошлого, требующего государственной и общественной заботы.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, историческая политика, национальная политика, списки памятников, история России

Для цитирования: Мельникова Е.А. Канон наследия и национальные окраины: от советских списков памятников истории и культуры к объектам культурного наследия России // Сибирские исторические исследования. 2025. № 3. С. 19–54. doi: 10.17223/2312461X/49/2

Original article
doi: 10.17223/2312461X/49/2

The Heritage Canon and National Peripheries: From Soviet Lists of Historical and Cultural Monuments to Russia's Cultural Heritage Sites

Ekaterina A. Melnikova

*European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation,
Melek@eu.spb.ru*

Abstract. This article examines the development and transformation of the cultural heritage canon in Russia from the Soviet era to the present. Using official lists of historical and cultural monuments as primary sources, it explores how these lists reflect

shifting historical and national policies, while also revealing tensions between centralized and regional approaches to heritage valuation. The study traces the evolution of selection criteria—from the Russo-centric and Eurocentric frameworks of the 1930s–40s to more diverse and decentralized post-Soviet practices. These newer approaches enable local expert communities not only to expand the national heritage corpus but also to redefine the criteria for what constitutes valuable heritage deserving of state and public protection.

Keywords: heritage, local initiatives, historical politics, nationality politics, heritage lists, history of Russia

For citation: Melnikova, E.A. (2025) The Heritage Canon and National Peripheries: From Soviet Lists of Historical and Cultural Monuments to Russia's Cultural Heritage Sites. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 19–54 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/49/2

С самых первых лет советской власти новое революционное правительство начало создавать инфраструктуру охраны наследия в СССР. Одновременно с разрушением символов старой России принимались меры по инвентаризации и национализации ценного достояния, которое теперь было признано народным богатством и предметом тщательного учета и переоценки. В этой статье я обращаюсь к анализу списков памятников истории и культуры, которые ставились на государственную охрану в РСФСР, и рассматриваю их как материальное воплощение канона наследия, утверждавшего и отражавшего меняющиеся ориентиры советской исторической политики. Вместе с тем сам этот канон был результатом сложных социальных и политических процессов, конфликтов и согласований между разными акторами центрального, регионального и местного уровней. Его изменения, как я утверждаю в этой работе, не были следствием исключительно динамики идеологического курса, но отражали трансформацию самой арены переговоров о содержании понятия «народное достояние», степень участия разных акторов в его кодификации и принципы оценки того, что именно составляет национальное наследие.

Наследие, память и политика

Современные критические исследования наследия, активно развивающиеся в последние десятилетия, определяются интересом не к самим памятникам прошлого и обоснованию их коллективной ценности, а к вопросам, связанным с формированием этой ценности – с ее динамикой, инфраструктурой производства, участниками, противоречиями и ее зависимостью от социального, политического и экономического контекстов (Smith 2006; Carman, Sorensen 2009; Harrison 2010; Gentry, Smith 2019; Harrison et al. 2023; Колесник, Русанов 2022). Это направление развивается сегодня в нескольких плоскостях.

Во-первых, оно тесно связано с анализом исторической политики и политики памяти, определяющей ключевые принципы оценки и отбора значимых объектов прошлого, заслуживающих сохранения или, наоборот, уничтожения. Работа с памятниками истории и культуры выступает элементом более широкого процесса создания и реконфигурации исторического канона, включающего разные виды иконоклазма, или, наоборот, монументальной пропаганды, отражающегося в учебниках истории, литературе, визуальных медиа и т.д. Значительный объем исследований, посвященных советской политике в области наследия, обращен именно к этой стороне работы с памятниками. Политика наследия трактуется в первую очередь как инструмент мягкой силы и идеологического контроля, обеспечивающий репрезентацию символов исторического прошлого в целях формирования и управления советским обществом (Donovan 2019; Deschepper 2019; Maddox 2015; Bittner 2008; Qualls 2009; Smith 1997; Forest, Johnson 2002; Eady 2009; Bogumił et al. 2015).

Во-вторых, это большая область исследований собственно институтов охраны наследия, появляющихся в Европе в XIX в. и активно разрастающихся на протяжении XX–XXI вв. в целую индустрию наследия. Для сравнительного анализа различных национальных форм этой индустрии ученые из Геттингенского университета предложили понятие «режим наследия», которое включает комбинацию из таких элементов, как бюрократия, политическая история, предшествующие режимы ценностей, стратегии наследия местного, национального и международного уровней, а также влияние посредников и интерпретаторов (Bendix et al. 2013)¹. В рамках этого направления наследие понимается как исключительно современный феномен, сложившийся в эпоху формирования либеральных концепций коллективного блага и инструментализации прошлого идеологиями национального романтизма (Правилова 2022; Шенле 2011; Лоуэнталь 2004).

Третье направление, появившееся позднее других, во многом отражающее специфику современного мемориального бума наследия, проблематизирует объекты наследия как точки социальной мобилизации и низового активизма. В контексте советской и постсоветской истории такие работы обращены в первую очередь к периодам 1960–1980-х гг. (Гладарев 2011, 2013; Келли 2009; Неплюев 2020, 2022; Павлова 2021; Болтунова, Егорова 2022) и современным формам активизма в сфере охраны памятников (Аргенбрайт 2021; Чернышева, Хохлова 2021; Бахарева, Садова 2021; Зверев 2016, 2017).

Наконец, четвертая область, прямо связанная с анализом практик и институтов производства наследия, – это история национальных, а точнее, национализирующих политик, активно использующих прошлое для легитимации символических границ, утверждения национального един-

ства и маркирования территорий в национальных терминах. Пересекающееся с исследованиями в области исторической политики, это направление крайне редко помещает в центр собственно институты охраны наследия, которые оказываются лишь одним из множества инструментов колонизации и деколонизации (Demchenko 2011; Abrahamian 2012; Darieva et al. 2012; Шагоян 2022). Редким исключением стала работа Светланы Горшениной и Веры Тольц, посвященная институтам наследия в Туркестане накануне революции и в первые послереволюционные десятилетия (Gorshenina, Tolz 2016). Но именно это исследование показывает всю сложность процессов согласования критериев оценки национального достояния, отвечавших интересам различных экспертных групп и одновременно откликавшихся на политические процессы национального размежевания.

Списки памятников истории и культуры, которые собирали и издавали различные ведомства, отвечавшие в СССР за охрану наследия, представляют собой уникальные источники, позволяющие совместить все четыре направления и проследить, с одной стороны, общую динамику канона наследия как отражения советской исторической и национальной политики, а с другой – проблематизировать сам канон как непосредственный продукт этой политики. Отталкиваясь от советских реестров народного достояния, я обращаюсь к тем процессам, которые скрываются за ними, непосредственно влияя на общий состав, региональное распределение и принципы отбора памятников. В этой работе я выбираю длинную историческую перспективу, начиная с 1930-х гг. и захватывая современным реестром объектов культурного наследия Российской Федерации. Естественно, что такой подход чреват рисками упрощения и поверхностного анализа. И все-таки, несмотря на очевидные недостатки, именно такой взгляд позволяет понять, как менялся канон наследия и чем были вызваны эти изменения.

Каноны наследия и национализирующие идеологии

Понятие «наследие» имеет бессчетное количество определений² и в самом широком смысле практически совпадает с определением культурной памяти. Андреас Шенле, к примеру, рассматривал наследие «как форму переговоров между настоящим и прошлым, которые ведутся во имя будущего» (Schönle 2012: 737), а согласно широко цитируемому определению Брайана Грэма, Грегори Эшворта и Джона Танбриджа, «наследие – это та часть прошлого, которую мы выбираем в настоящем для современных целей, будь то экономические, культурные, политические или социальные» (Graham et al. 2000: 32). Однако в исследованиях, ориентированных на анализ институтов, связанных с производством наследия как ценности, это понятие все-таки приобретает более ясные

черты и историческую прописку. Как показала Екатерина Правилова, идеология наследия тесно связана с концепцией коллективного блага, предполагающей, что индивидуальные права собственников могут и должны быть ущемлены в пользу коллективных в случае, если эти объекты признаны имеющими общественную ценность. Эта концепция формируется в Европе в XIX в. и получает развитие в законодательной базе, регламентирующей права собственности в отношении лесов, водных ресурсов, авторского права, а также ценных памятников прошлого (Правилова 2022; Шенле 2011). В это же время наследие включается в сферу символического управления и становится одним из мощных ресурсов национальных идеологий, позволяя государствам с помощью практик включения и исключения учреждать или реформировать канон ценного прошлого, изобретая и переизобретая, таким образом, историю нации.

Именно в этом контексте Родни Харрисон предлагает использовать понятие «канон наследия» по отношению к официальным спискам памятников, определяющим корпус наиболее ценных объектов прошлого. «Каноны, – пишет Харрисон, – могут рассматриваться как идеологические инструменты, способствующие распространению ценностей, на которых основывается определенное видение нации. Создание категории вещей, которые считаются наивысшим выражениями культуры, способствует формированию нарративов о наборе ценностей, считающихся наиболее достойными для сохранения конкретной формы государственного общества. Список объектов наследия, подобно литературному или художественному канону, контролируется путем передачи полномочий по установлению канона в руки экспертов, санкционированных государством» (Harrison 2010: 15).

Списки памятников истории и культуры, издававшиеся в Советском Союзе, также были формой национального канона наследия – и потому, что представляли собой инвентарные описи национального богатства, и потому, что утверждали национальные принципы оценки прошлого. Однако вопрос о том, в какой степени такие списки действительно были инструментализированы национализирующей идеологией в России, сложнее, чем может показаться. Отчасти это связано с тем, что вопросы о содержании самой национальной политики в России, как и направления ее трансформации, до сих пор остаются спорными. Отчасти же дело в том напряжении, которое Джон Танбридж и Грегори Эшворт называли диссонансом наследия: «Всякое наследие принадлежит кому-то, а значит, неизбежно кому-то не принадлежит: сама суть наследования предполагает лишение кого-то наследства, и, соответственно, любое производство наследия из прошлого неминуемо приводит к тому, что кто-то оказывается полностью или частично, явно или потенциально, отстраненным от него» (Tunbridge, Ashworth 1996: 21). С этой точки зрения ис-

тория национальных канонов наследия – это всегда история конкуренции и согласований по поводу того, кто является собственником наследия, и что именно составляет эту собственность. Прагматика включения или исключения ценных памятников из официальных реестров не бывает направленной только сверху вниз, но всегда отражает движения и в обратном направлении, свидетельствующие о попытках различных национальных или региональных сообществ одновременно заявить о себе и внести вклад в общенациональное богатство.

Первые попытки составить реестр ценных памятников старины были предприняты в России еще в начале XIX в., но не возымели серьезных последствий ни в законодательной, ни в практической плоскости (Гуров 2020; Правилова 2022: 140–145). Через год после Октябрьской революции СНК РСФСР издал декрет «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» (Декрет 1918), который также не привел к формированию сколько-нибудь систематического списка (Жуков 1987). Однако уже с середины 1930-х гг. охрана памятников попадает в область строгого государственного контроля, и с этого времени списки издаются регулярно. В этой работе я использую только списки 1934/35 гг., 1947/48 гг. и 1960 г., а также реестр объектов культурного наследия РФ, действующий сегодня. Эти четыре корпуса отражают ключевые точки в истории советской исторической и национальной политики и важные вехи в истории самого советского режима наследия как арены взаимодействия различных акторов. В то же время стоит учитывать, что если списки памятников РСФСР 1934/35 и 1947/48 гг. были по сути дела единственными в то время, монополизирующими национальный канон наследия, то уже с начала 1960-х гг. списки издаются не только центральными российскими органами власти, но и республиканскими, а затем и региональными ведомствами. В этой работе я ограничиваюсь сравнением только общероссийских списков, которые предъявляли советскому народу его советское наследие.

Противоречия раннесоветского канона наследия

Раннесоветский режим наследия, утверждение которого началось с первых же лет после Октябрьской революции, был принципиально противоречивым. Одно из противоречий связано с амбивалентной ролью государства, которое одновременно выступало в двух ролях – разрушителя старого, имперского наследия, и рачительного хозяина нового богатства советского народа. Джулия Дешеппер (Deschepper 2019) сформулировала это напряжение как «диалектику сохранения-разрушения», а Ирина Сандомирская (2022) рассматривала его сквозь призму понятий «революция/реставрация». Революционные преобразования 1917 г.,

включая отмену частной собственности и национализацию имущества церкви и бывшей аристократии, радикально изменили правовой и экономический ландшафт в России, превратив государство в единственного собственника и распорядителя народным достоянием. Такая трансформация, хотя и казалась воплощением мечтаний либералов XIX в., отставивших идею коллективной собственности на общенациональные ценности, в реальности значительно расходилась с их идеалами. В отличие от позднеимперских концепций коллективного блага, собственником наследия становилось не общество, а государство, монополизировавшее все ресурсы и инструменты распоряжения этим благом (Правилова 2022: 290–294).

Манифестируя вполне типичный для всех революционных режимов разрыв с дореволюционным прошлым, его ценностями и символами (Gamboni 1997; Ozouf 1988; Rolf 2013; Fureix 2019), большевистское правительство прилагало немало усилий к тому, чтобы продемонстрировать этот разрыв через обращение с материальными объектами, имевшими высокую символическую ценность в Российской империи (Stites 1989; Kelly 1998, 2018; Deschepper 2019; Кур-Королев и др. 2024; Cohen 2020a, b). И все же, сбрасывая двуглавых орлов со стен Кремля, разрушая соборы и имперские памятники, большевики пропагандировали заботу о теперь уже народном достоянии, создавая принципиально новую инфраструктуру охраны наследия, учреждая комитеты для инвентаризации ценных объектов культурного и исторического наследия и призывая граждан беречь «огромное наследство», которое «теперь принадлежит всему народу» (Воззвание 1917). Как пишет Правилова, «всеобъемлющее Советское государство напоминало гигантский, чудовищный склад» (Правилова 2022: 289). И действительно, в Москве и Ленинграде были созданы хранилища музейного фонда, которые служили не только символическим, но и вполне материальным воплощением новой концепции коллективной собственности³ (Иванов 2018). История современной охраны наследия в России, как правило, возводится именно к раннесоветским инициативам, а Петербургский комитет по охране культурного наследия называет в качестве своего прямого предшественника комитет по делам музеев и охраны памятников, созданный в 1918 г. (КГИОП 2025).

Второе ключевое противоречие раннесоветского режима наследия заключалось в том, что само наследие определялось большевиками не в национальных, как это было в других европейских странах, а в классовых терминах, т.е. как богатство, которое должно перейти из рук аристократии в руки пролетариата. Сравнивая политики наследия в Советском Союзе и Китае, Стивен Смит даже утверждает, что переход от классового к национальному подходу в определении наследия так никогда и не был в полной мере осуществлен в СССР (Smith 2015: 180). Катриона

Келли также отмечает, что даже во время ярко выраженного русоцентричного сдвига в исторической политике 1930-х гг. создание канона наследия не было полностью подчинено национализирующей идеологии: в советских художественных и архитектурных журналах ведущие позиции продолжали занимать европейские, а не русские мастера и шедевры (Kelly 2018: 93–94).

Если взглянуть на официальные документы, определяющие порядок инвентаризации народного достояния в первые послереволюционные десятилетия, то мы действительно не найдем в них определения национальной принадлежности хозяина ценных памятников и объектов, которые описываются скорее в пространственных, чем в этнических категориях, как находящиеся на территории РСФСР, а не принадлежащие какой-то конкретной нации⁴. Хотя с середины 1930-х гг. политика руссоцентризма, как ее определил Дэвид Бранденбергер, реанимирует патристические нарративы имперского прошлого России, а идеологическая повестка в СССР приобретает очевидные националистические черты, переопределяя «народ» в национальных категориях и делая акцент именно на русском народе как основе новой нации (Бранденбергер 2017), наследие как будто бы остается не инструментализированным этим новым национализирующим трендом.

Однако если взглянуть на сами списки памятников, собранные для постановки ценных объектов на государственную охрану, ситуация оказывается более сложной. Первый список, подготовленный в 1934 г. Комитетом по охране памятников революции, искусства и культуры при Президиуме ВЦИК, включал более тысячи объектов по всей территории РСФСР (Выписка из протокола 1934), но впоследствии по требованию Президиума ВЦИК был сокращен до 500 объектов, также представляющих все регионы РСФСР (Выписка из протокола 1935). Несмотря на более чем двухкратное сокращение перечня, принципы отбора памятников сохранились. Большинство объектов, включенных в список, были образцами каменного или деревянного зодчества доимперской истории России, второе место занимали сооружения XVIII в. и последнее – памятники XIX в. Такое понимание исторической ценности предметов зодчества вполне согласовывалось с подходом, выработанным защитниками наследия еще накануне революции (Правилова 2022; Басс 2018).

Наиболее любопытным оказывается распределение этих объектов в пространстве. Неудивительно, что наибольшая концентрация памятников наблюдалась в Ленинграде и Москве, особенно с учетом их пригородов⁵. Но показательно, что, например, на территории Западно-Сибирского края площадью 1 151 000 км² с населением в 8 185,7 млн человек в 1934 г.⁶ в список памятников было включено всего три объекта в длинном списке, из которых в короткий вошел только один – здание губерн-

ского правления в Томске XIX в., в то время как в Ярославле и Ярославском районе, входивших в это время в состав Ивановской промышленной области площадью 1790 км² и населением 60 600 человек, – в длинный список вошли 30 памятников, а в короткий – 14.

Больше 60% всех памятников, вошедших в короткий список, относятся к территориям Московской, Ленинградской и Ивановской промышленной областей. На тот момент Ленинградская область включала также территории современных Новгородской и Псковской областей, а в состав Ивановской промышленной области входили современные Владимирская, Костромская и Ярославская области, где сосредоточены основные памятники древнерусской и средневековой каменной архитектуры. Если добавить сюда территорию Северного края, включавшего в административно-территориальном делении 1934 г. всю Архангельскую и Вологодскую области, где сохранялись образцы деревянного зодчества XVII–XVIII вв., то объем памятников составит 74% от всего списка. Учитывая площадь РСФСР в это время, получается, что три четверти всех памятников были сосредоточены на территории меньше двенадцатой части республики, определяя в качестве ценного наследия, прежде всего, архитектуру, связанную с двумя центрами формирования древнерусской государственности – Северо-Восточной Руси и Русского Севера.

К середине 1934 г. в состав РСФСР входили 19 автономных республик, включая три закавказские, 17 автономных областей и 11 национальных округов. Однако большинство из них не были представлены в списке памятников. Логика, стоящая за отбором ценных объектов прошлого для включения в список государственной охраны, очевидно, отдавала приоритет архитектурным сооружениям, связанным со строительством русской государственности, практически отсутствующим за пределами бывших северо-восточных княжеств. Показательно, что все памятники, расположенные за Уралом, служили символами русской колонизации. Все объекты Восточно-Сибирского края, включенные в реестр, были остатками острогов, сторожевых башен и деревянных церквей, построенных в XVII–XVIII вв. Единственные два памятника на территории Якутской АССР также были остатками сторожевых башен XVII в.

В конфессиональном отношении список 1935 г. также был вполне однородным. Большинство памятников культовой архитектуры отражали историю православной катехизации России (Гуров 2023). Исключений из этой картины было немного, и их составляли прежде всего объекты мусульманской цивилизации, распределенные между Татарской, Крымской, Дагестанской, Казакской⁷ и Киргизской автономными республиками. Всего из 500 памятников в список было включено 11 мечетей, три минарета, девять мавзолеев и два мусульманских кладбища. Буддизм,

иудаизм и католицизм были представлены каждый по одному памятнику: Хошеутовский хурул в Астраханской области, древнееврейская синагога в Старом Крыму и костел св. Екатерины в Ленинграде. Другие конфессии не были представлены вовсе.

Включение Хошеутовского или Большого Тюменевского хурула в этот список само по себе примечательно. Этот памятник буддийской культовой архитектуры, обозначенный в списке как «Калмыцкий храм», был построен в 1817 г. калмыцким князем Сербеджапом Тюменем, возглавлявшим калмыцкий отряд, участвовавший в колониальных войнах Российской империи на Кавказе, а затем Астраханский калмыцкий полк в сражениях с Наполеоном. По возвращении с войны 1812 г. Тюмень решил увековечить участие калмыков в российских военных кампаниях строительством у себя на родине каменного храма на месте старого деревянного хурула. Отражая религиозное и конфессиональное разнообразие, этот памятник служил, тем не менее, ярким примером коренизации имперской политики России в области наследия.

Хотя само наследие и не было определено в документах первой трети XX в. в национальных категориях, а его «хозяева» не были названы, корпус ценных, заслуживающих опеки государства, памятников и создаваемый с помощью этого списка канон наследия недвусмысленно определяли в качестве значимого прошлого все, что было связано с утверждением российской государственности и историей колонизации обширных просторов империи.

Расширяя имперское разнообразие: списки памятников конца 1940-х гг.

Послевоенная политика в области наследия, ставшая во многом ответом на разрушения и утраты ценных объектов в период Второй мировой войны, была направлена на централизацию и усиление контроля, однако оставалась противоречивой в плане как содержания, так и своих последствий. Масштаб военных потерь подстегнул правительство к усилению мер по спасению и охране прошлого. В разрушенные города были направлены комиссии для проведения обследований, а градостроительные задачи требовали согласований с экспертными организациями в области охраны памятников (Qualls 2009; Maddox 2015; Donovan 2019; Кур-Королев и др. 2024, Кантор 2017). Историческое наследие превратилось в святой Грааль послевоенной символической политики уже потому, что на него посягнул внешний враг, разрушив или пытаясь его разрушить и уничтожить.

Во второй половине 1940-х гг. был принят целый ряд документов, определяющих понятия «памятники культуры»⁸ и регулирующих формы их охраны. В приложении к постановлению Совета Министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры», вышедшем

в 1948 г., было опубликовано Положение об охране памятников культуры, где впервые в российской истории дано определение понятию «всенародное достояние»: «Все находящиеся на территории Союза СССР памятники культуры, имеющие научное, историческое или художественное значение, являются неприкосновенным всенародным достоянием и состоят под охраной государства» (Охрана памятников 1973: 68). В этом определении использовался наднационально-территориальный подход к определению содержания народного богатства, т.е. корпус наследия определялся в границах Советского Союза, и, хотя собственником всего этого достояния был назван народ, его национальные характеристики снова оставались неясными.

Концепция наследия, отразившаяся в постановлениях 1947 и 1948 гг. и прилагавшихся к ним списках памятников, свидетельствует о более общих идеологических напряжениях, советской послевоенной политики, с одной стороны, наследующей руссоцентричной парадигме предвоенного и военного времени, утверждавшей ведущую роль русского народа в этнически разнообразной и иерархически структурированной совокупности наций, а с другой стороны, делающей ставку на пансоветскую/интернационалистическую модель, которая ограничивала демонстрацию исключительной роли русского народа в пользу единого русскоязычного «советского народа» (Brunstedt 2021: 31). Как показывает Джонатан Брундштедт, обе парадигмы соседствовали в первое послевоенное десятилетие, подпитывая скорее конкурирующие, чем взаимодополняющие представления о том, что значит быть одновременно советским и русским (Idem: 34).

Определение корпуса ценных памятников культуры как «всенародного достояния», предложенное в Положении 1948 г., отсылает, скорее, к пансоветскому определению народа как его собственника, а списки памятников, прилагавшиеся к документам 1947 и 1948 гг., позволяют увидеть, как противоречивый канон наследия воплощался в перечне конкретных объектов.

В отличие от более ранних реестров списки 1947 и 1948 гг. не заменяют, а дополняют друг друга, поэтому их имеет смысл рассматривать вместе. В 1947 г. в приложении к постановлению о «Об охране памятников архитектуры» вышел Список памятников архитектуры, подлежащих государственной охране на территории РСФСР (кроме Москвы и Ленинграда), который включал 626 объектов, а спустя год появился дополнительный список, куда вошли еще 2 926 памятников (Постановление 1948). В сравнении с более ранним реестром 1935 г. этот новый корпус не только увеличился больше чем в семь раз, но и стал значительно более представительным. Если рассматривать оба списка вместе, в них нашли место 11 автономных республик из 12 (не представлена только Коми АССР) и 40 областей из 48, существовавших в то время.

Диспропорция в распределении ценного наследия отчасти уменьшилась: если в 1935 г. памятники, расположенные на территории Северо-Восточной и Северной Руси и оказавшиеся в то время в границах Ивановской промышленной области, Москвы и Московской области, Ленинградской области и Северного края, составляли 74%, то в новом варианте они занимали только 47% всего списка. И все же, учитывая общую площадь РСФСР, такое соотношение не было равномерным. Показательна и динамика изменений. Число памятников во Владимирской области увеличилось в 26 раз, в Костромской – в 16, в Архангельской – в 11, в Вологодской – в 10 раз. В то время как в Татарской АССР число объектов увеличилось меньше чем в два раза, а в бывшем Восточно-Сибирском крае меньше чем в четыре раза. В Якутской АССР число мест увеличилось в два раза, но это все еще были только два памятника.

Новые объекты, включенные в реестр конца 1940-х гг., представляли собой, прежде всего, православную архитектуру XVII–XIX вв. В Вологодской и Архангельской областях – это сохранившиеся деревянные церкви, в Сибири и Центральной России – в основном каменные храмы. Список значительно пополнился мусульманскими памятниками – мечетями и минаретами, мавзолеями и кладбищами, расположенными прежде всего в Татарской и Дагестанской АССР, на территории Крымской области и в некоторых других регионах, к примеру в Касимове Рязанской области. Около 50 таких объектов вошли в перечень.

Больше всего памятников ислама были включены в дополнительный список 1948 г. на территории Дагестанской АССР, которая стала одной из самых представленных в реестре республик. Причем число памятников здесь было в 3,5 раза больше, чем в Татарской АССР, а число культовых памятников, связанных с историей ислама, в 6,5 раз больше, чем в Татарстане. Другие конфессии хотя и были представлены в списке, как, например, лютеранская кирха в Гатчине⁹ или армянский монастырь в Крыму, но составляли почти незаметный процент от общего православного наследия. Даже калмыцкий хурул в Астраханской области пропал из реестра.

Территория Сибири в новом списке была более заметна, чем десять лет назад: бывший Восточно-Сибирский край, в новом делении включавший Красноярский край, Иркутскую и Читинскую области, Бурят-Монгольскую АССР, Таймырский и Эвенкийский национальные округа, был представлен 29 объектами против прежних восьми. Список был пополнен почти исключительно православными храмами XVIII–XIX вв. Число объектов в Западно-Сибирском крае (Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская области, Алтайский край) увеличилось в десять раз и составило, собственно, 10 памятников. Это были здания гражданской инфраструктуры XIX – начала XX в., одна церковь XVIII в. в Томске и ансамбль бывшей Демидовской площади в Барнауле.

«Всенародное достояние» образца второй половины 1940-х гг. хотя и предъявлялось пансоветским и многонациональным по форме, но по содержанию оставалось во многом руссоцентричным, сфокусированным на памятниках, связанных с историей русской государственности. В то же время разрастание и диверсификация списков не были следствием какого-то одного политического процесса и тем более какой-то одной политической воли, направленной на символическое завоевание пространства советской империи с помощью маркирования имперского прошлого знаками национального наследия. Расширение списков отражало целый ряд разнонаправленных процессов.

Памятники, связанные с историей Владимирской и Московской Руси, с одной стороны, и Новгородской республики – с другой, особенно сильно пострадали в годы войны, и их восстановление привлекло внимание значительной части как столичной, так и местной интеллигенции (Болтунова, Егорова 2022; Donovan 2019; Pattle 2018; Кур-Королев и др. 2024; Maddox 2015). В то же время с конца 1940-х гг. становится заметным увлечение историей и спасением деревянного зодчества Русского Севера (Голубев 2020), которое также привлекает к себе много внимания экспертов и приводит к расширению списков памятников за счет объектов деревянной архитектуры Архангельской и Вологодской областей. Тогда же происходит частичная реабилитация народной культуры, ознаменовавшаяся возобновлением этнографических и искусствоведческих исследований в регионах Русского Севера (Бернштам 2008: 149) и активизацией местной интеллигенции, откликнувшейся на моральные императивы поиска и спасения исторического наследия (Мельникова 2021, 2022).

Несмотря на соблазн интерпретировать создававшийся канон наследия как прямой акт русификации и имперского подавления национальных критериев оценки прошлого и наследия, он, скорее, отражает противоречивые взаимоотношения между центральными и местными культурными элитами, экспертными институтами и системами знания.

Светлана Горшенина и Вера Тольц рассматривают сложность и неочевидность этих взаимоотношений на примере Туркестана первой трети XX в. (Gorshenina, Tolz 2016), показывая, что принципы оценки наследия разительно отличались у местных и столичных экспертов. Однако, несмотря на все различия, и те и другие к началу XX в. разделяли «европейский научный дискурс сохранения наследия», как авторы называют убеждение в присущей определенным артефактам имманентной ценности, составляющей основу национальной культуры и идентичности. Хотя в период размежевания Туркестана и создания отдельных среднеазиатских республик особенно остро встал вопрос о том, в чем именно заключается национальная культура и чья это культура, сама

вера в то, что памятники прошлого служат безусловным ее выражением и содержанием, никем не подвергалась сомнению.

Эта фундаментальная идея определяла логику авторизованного дискурса наследия (Smith 2006), принятого за аксиому просвещенными экспертами, которые стояли во главе политики охраны памятников истории и культуры как в Москве и Петрограде, так и в древних столицах республик, вошедших в состав СССР. Согласно этой логике, «ценным» было все то, и только то, что отвечало критериям памятника, сформулированным еще в 1903 г. Алоизом Риглем¹⁰: это должны быть памятники, задуманные как таковые, исторические памятники или памятники старины (Ригль 2018). В этой системе ценностей конкуренцию Московскому Кремлю или новгородскому Софийскому собору могли составить древние мечети, мавзолеи или синагоги, но никак не почитаемые камни, капища или святые источники, к примеру.

В регионах проживания коренных народов, обозначавшихся в позднеимперских и раннесоветских документах как «инородческие», складывалась принципиально другая конфигурация в отношении к наследию в первой половине XX в. Несмотря на повсеместное появление в 1920-х гг. краеведческих обществ, музеев и различных просветительских и научных центров в Сибири и Европейской Арктике (Мочалова 2024, Маслов 2017; Gavrilova 2023), эти инициативы преимущественно служили цивилизаторской миссии советского государства и его академических институтов, а не отражали интересы местных сообществ в формировании собственного историко-культурного канона (Слезкин 2008). Маргинализация этих территорий в списках памятников 1930–1940-х гг., выглядевших огромным белым пятном на карте наследия, была следствием, с одной стороны, дефицита в метрополии ресурсов для их обследования (Жуков 1987: 78–79), а с другой – отсутствия собственных локальных элит, заинтересованных в утверждении местных принципов оценки ценного прошлого и оспаривании той идеологии наследия, с которой подходили к его оценке эксперты из центра.

Перед нами – ситуация двойного отрицания наследия. Столичные интеллектуалы, руководствовавшиеся европоцентричными принципами оценки памятников, не находили в индигенных регионах объектов, отвечавших принятой системе ценности. А представители местных сообществ не разделяли саму парадигму наследия в ее европейском понимании. Последующая эволюция корпуса и масштабов охраняемых объектов отражала изменения не только собственно национализующей идеологии, но и роли местной общественности в процессе канонизации ценного прошлого, а также критериев, с которыми она подходила к его оценке.

«Историческое прошлое советского народа»

Одним из эффектов послевоенной одержимости охраной наследия стала глорификация самой работы по спасению памятников, которая обеспечивала ореолом святости как интеллигенцию, непосредственно участвовавшую в период военных действий в эвакуации, укрытии и последующем восстановлении ценных объектов, так и народ как общество, бравшее на себя моральный и гражданский долг заботы о прошлом (Кантор 2017; Кур-Королев и др. 2024). Вкупе с общим смягчением репрессивного аппарата и относительной либерализацией отношений к церкви новый режим наследия выразился в значительной активизации локальной интеллигенции, обнаружившей в защите и спасении прошлого свое главное призвание и моральную миссию (Pattle 2018).

Этот масштабный сдвиг конца 1950–1960-х гг. обычно описывается понятиями «ретроспективный», «консервативный» или «исторический поворот», и включает не только начало движения за охрану памятников, но и целый спектр других форм озабоченности судьбой прошлого – от любви к старым вещам в оформлении домашних интерьеров до оживления краеведения и архивной работы (Clark 1993; Donovan 2015; Kozlov 2001; Gavrilova 2023; Разувалова 2015, Штырков, Кормина 2015; Клоц, Ромашова 2021). Хотя этот процесс в основном описан на примере столичной интеллигенции, материалы по национальным республикам и областям также показывают значительную активизацию местных экспертных сообществ, сосредоточившихся на обеспечении включения местного наследия в общесоветский корпус национального достояния (Паршикова 2015; Собольников 2011; Союрова 2014; Перетягина 2008; Егорушкин 2019; Еремин 2010; Лемытская 2012; Михайлов 2018)¹¹.

Новый список памятников, опубликованный в 1960 г. (Постановление 1960), фиксирует эту важную динамику. Его отличия по сравнению с более ранними версиями трудно переоценить. Три приложения включали 12 перечней, общий объем памятников увеличился больше чем в 10 раз по сравнению с реестром 1935 г. Памятники не только были классифицированы по трем категориям – государственного значения, местного значения и памятники, подлежащие первоочередной подготовке к музейному показу, но и разделены на группы, соответствующие введенной еще в конце 1940-х гг. типологии: памятники археологии, истории, искусства и архитектуры. Представленность различных регионов и национальных автономий также была принципиально другой. В реестр вошли все национальные территории, включая 14 из 16 автономных республик, все шесть краев, пять автономных областей и пять национальных округов. Остались не представленными только Калмыцкая и Марийская АССР, Агинский Бурятский, Корякский, Эвенкийский, Усть-Ордынский Бурятский, Таймырский национальные округа.

Новая карта наследия, поставленного на службу «коммунистического воспитания советского народа», была материальным выражением утверждавшейся на политической арене концепции новой гражданской нации (Бранденбергер и др. 2022). Картографирование наследия во многом выполняло ту же роль, что и другие пансоветские мегакампании брежневского времени, – позволяло всем гражданам страны и всем автономиям внести свой вклад в общенародное достояние и зафиксировать свое присутствие на общесоветском пространстве.

Демократичность и инклюзивность нового списка наследия при этом была весьма относительной. Несмотря на объем в несколько сотен страниц и впечатляющую представительность регионов, он производит новые иерархии типов и территорий наследия, многие из которых сохраняются вплоть до сегодняшнего дня. В списке памятников, предназначенных для первоочередного музейного показа, доминируют регионы, по-прежнему связанные с наследием Северо-Восточной и Северной Руси. Национальные автономии представлены здесь только Татарской и Карельской АССР, а также Дагестанской и Осетинской АССР (один и два памятника архитектуры соответственно). Сибирские национальные округа и автономные области впервые вошли в советский список наследия, но представлены исключительно как территории памятников археологии.

Более существенным, чем собственно изменение состава памятников, была трансформация роли общественности в самом процессе создания и утверждения наследия. Мобилизация местной интеллигенции на инвентаризацию и включение локально значимого прошлого в общесоветский корпус, обеспечило ей заметную роль в этом процессе, а созданное в 1965 г. Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) впервые стало легальным представителем публики в процессе решения вопросов о судьбе и формах заботы об объектах наследия.

ВООПИиК представляло собой вполне типичное порождение брежневской политики включения, как эту форму политической мобилизации интеллигенции назвал Ицхак Брудный (Brudny 1998). Санкционированная высшими органами власти¹², его деятельность и на местах была формой квазигосударственного управления в сфере наследия. Отчеты о создании республиканских, окружных, областных, районных отделений ВООПИиК служили скорее демонстрацией успеха новой пансоветской кампании, чем реальными свидетельствами массового добровольного участия. Как показывает Татьяна Соболюникова на материалах Ханты-Мансийского окружного отделения общества, его создание было инициировано «сверху», решением Тюменского областного исполнительного комитета Совета депутатов, а значительную часть руководства составляли представители государственных и партийных органов, а также руководители окружных учреждений культуры и образования (Соболюникова 2009: 112). Аналогичная ситуация складывалась и в других отделениях.

Создание местных ячеек общества, поиск и паспортизация локальных памятников истории и культуры стали одной из форм коммунистического соревнования за выполнение и перевыполнение плана силами общественности, а пленумы и заседания превращались в демонстрацию успехов этого соревнования. «На состоявшемся на днях II пленуме Марийского республиканского совета общества, – пишет Михаил Мухачев на страницах «Марийской правды», – отмечалось, что охрана памятников стала почетным делом широкой общественности. Из года в год пополняются ряды общества. Сейчас в нем состоит свыше 11 тысяч человек, создано 279 первичных организаций, насчитывается 74 коллективных члена. <...> В настоящее время в республике выявлено 178 исторических, 200 археологических, 21 архитектурный и 48 памятников искусств. Это ценное достояние нашего народа» (Мухачев 1969). Собственно задача создать ячейки общества не только во всех городах, но даже на всех предприятиях, в колхозах и совхозах ставилась центральным советом ВООПИиК и местными исполкомами. Но достаточных ресурсов для полноценной работы по охране памятников не имелось, и эта деятельность зачастую была либо формальной, либо крайне ограниченной.

В то же время, несмотря на во многом декларативный во многом характер деятельности ВООПИиК, его создание все же ознаменовало существенный символический и политический сдвиг в советской публичной сфере в целом (Вайзер и др. 2021) и в охране наследия в частности. Само существование ВООПИиК превращало «общественность» в легального участника переговоров о судьбе наследия¹³, а отделения и местные ячейки становились центрами мобилизации локальной интеллигенции, охотно вступавшей в ряды борцов за охрану памятников – «священную обязанность каждого трудящегося города и района, каждого патриота», как гласили многочисленные плакаты, призывающие вступать в члены общества.

Пополнение общегосударственного списка памятников местными объектами наследия служило главным показателем успеха работы отделений. И действительно, в 1960–1970-е гг. списки памятников начинают стремительно разрастаться, пополняясь объектами, которые ставятся под охрану республиканскими органами власти. Национальный канон наследия, воплощением которого были предшествующие списки памятников истории и культуры, диверсифицируется за счет более активного участия местных экспертов и локальных групп.

Однако основным направлением этой диверсификации становится экстенсивное пополнение существующего государственного реестра местными объектами, отвечающими критериям ценности, установленным в метрополии. Ярким примером такого подхода служит заметка инструктора центрального совета ВООПИиК из Йошкар-Олы, опубликованная в газете «Марийская правда» в 1969 г. «Мне пришлось, – пишет

Н. Смирнов, – посетить Дом политического просвещения, где я увидел фотовыставку: “Памятники истории и архитектуры СССР”. Здесь показаны памятники Ростова, Суздаля, Владимира и других городов, но нет ни одного памятника Марийской республики, а ведь они здесь есть. Скажем, почему бы не показать самый древний архитектурный памятник марийского края, каким является церковь с шатровой колокольней, построенная в селе Ежове в 1647 г.? Архитектурный образ колокольни создан под очевидным влиянием знаменитого храма в селе Коломенском под Москвой» (Смирнов 1969). Смирнов, как и другие активные участники воопиковской деятельности, говорит здесь о необходимости представить республику на карте общероссийского наследия, но само это наследие оценивается в сравнении с уже знакомыми примерами Ростова, Суздаля и Владимира, выступавшими в качестве эмблем нормативного, наиболее ценного прошлого.

Такой взгляд на участие во всенародном деле охраны памятников истории и культуры приводил к расширению списка и увеличению доли каждого региона или республики на карте всенародного достояния, но не реформировал сам канон наследия, скорее, поддерживая его и лишь дополняя местными объектами. Те же задачи должен был решать много томный «Свод памятников архитектуры и монументального искусства», для подготовки которого в 1967 г. в московском Институте истории искусств создан специальный сектор. Задуманное энциклопедическое издание должно было представить национальное наследие широкой публике, а каждый том был призван стать витриной отдельного региона. Работа затянулась на несколько десятилетий и не закончена до сих пор. Показательно, что единственными опубликованными на данный момент томами стали три книги, посвященные Ивановской области, первая часть четырехтомника о Владимирской области, книги о Брянской и Смоленской областях и первые два тома о Тверской области. В работе же находятся тома о Рязанской, Калужской, Костромской и Ярославской областях. На очереди – Архангельская, Вологодская и Нижегородская (Свод памятников 2025). Картография Свода памятников, задуманного еще в период брежневского ретроспективизма, не слишком отличается от национального канона наследия, создававшегося еще в начале XX в. Сам же канон начал стремительно меняться в конце 1980-х гг.

Дестабилизация и диверсификация канона наследия

Масштабные изменения, произошедшие с началом перестройки и последующим крахом Советского Союза, включают целый спектр эффектов в области наследия, которые невозможно рассмотреть в одной статье. Либерализация отношений с церковью, возвращение частной соб-

ственности, парад национальных суверенитетов и пересборка национального прошлого, включение российских объектов в списки Всемирного наследия ЮНЕСКО и расширение возможностей гражданского участия в деятельности по охране наследия – все это кардинально поменяло правовой, экономический и социальный ландшафт в области охраны наследия.

Дестабилизация режима наследия, также как и сто лет назад, сопровождалась в России усилением централизации практик его управления и новыми мерами по инвентаризации национальных ценностей. Законом 1996 г. и постановлением 1998 г.¹⁴ был образован Музейный фонд РФ, частью которого стали все объекты, содержащиеся в фондах российских музеев – от Эрмитажа до краеведческого музея на Камчатке¹⁵. В 2009 г. был также создан Единый государственный реестр объектов культурного наследия (ОКН) РФ, куда должны быть внесены все объекты наследия федерального, регионального и муниципального уровней. На июль 2025 г. в Государственный каталог Музейного фонда РФ занесено 52 106 645 экспонатов, а в реестр объектов культурного наследия РФ – 158 168 объектов. Инвентаризация и учет ОКН возложены сегодня на Министерство культуры и разветвленную сеть специальных комитетов.

Но несмотря на усилившуюся централизацию управления наследием, на практике региональные и локальные акторы получили больше возможностей для участия в процессе утверждения ценности своего прошлого и реформировании национального канона. Свою книгу, посвященную истории взаимодействия СССР с международными организациями в области наследия, Карин Гееринг заканчивает двухтысячным годом, когда Казанский кремль был включен в список объектов культурного наследия ЮНЕСКО, что Гееринг рассматривает как прямой результат влияния региональных акторов на политику в области охраны прошлого (Geering 2012: 31). Усиление роли местных элит и экспертов хорошо заметно и при анализе самих списков памятников.

964 объекта из 1 652, включенных в современный реестр ОКН по Татарстану, вошли в списки памятников в период с 1987 по 1997 г. и еще 432 – в 2000-е гг. В Республике Саха (Якутия) в настоящий момент расположено 679 объектов культурного наследия, что в 62 раза больше, чем было в списке 1960 г., и в 340 раз больше, чем в 1935 г. Из них почти половина (372 объекта) были включены в реестр в 1976 г., еще 300 – в период с 2012 по 2023 г. На территории Ханты-Мансийского автономного округа сейчас находится 1 147 объектов, при том что в список 1960 г. входило только три¹⁶. 1 058 из них были зарегистрированы постановлением 1997 г. и еще 61 объект – в период с 2011 по 2021 г. Из 147 объектов, расположенных в Ямало-Ненецком автономном округе, все, кроме одного, были занесены в реестр после 2009 г. Во всех регионах и национальных автономиях хорошо заметно взрывное увеличение

корпуса объектов культурного наследия в конце 1990-х и постепенное их наращивание в 2000-е гг.

Разрастание списка наследия происходит не только количественно, но и качественно. Изменились системы оценки и, соответственно, типы объектов, попадающих в реестр. Самым ярким примером этой принципиально новой динамики стала постанова в 1993 г. на государственную охрану 327 марийских священных роц (Постановление 1993; Михеева, Перевозчиков 2019; Сухова 2018). 226 из них до сих пор входят в реестр ОКН РФ. В 1996 г. 29 священных роц, включая 2 эрзянские и 27 марийских роц, были поставлены на государственную охрану как памятники природы регионального (областного) значения в Нижегородской области (Распоряжение 1996). Пять священных роц также зарегистрированы в Удмуртской республике и одна в Чувашской. После выхода федерального закона 2002 г., в котором к категории «памятников» были добавлены «ансамбли» и «достопримечательные места», в статусе последних стали активно регистрироваться не только священные рощи, но и другие культовые объекты, непосредственно связанные с индигенной религиозностью представителей коренных народов, которые прежде никогда не попадали в списки наследия. В Ханты-Мансийском автономном округе было включено 57 новых объектов в статусе «достопримечательных мест», все из которых определены как святилища или священные места. В Ямало-Ненецком автономном округе зарегистрировано 35 аналогичных объектов. В Иркутской области более 100 объектов религиозного назначения внесены в список достопримечательных мест¹⁷. В этом же статусе зарегистрированы и православные почитаемые места: чудотворная сосна в Нижегородской области, несколько святых источников в Ленинградской, Ярославской и Московской областях, почитаемые часовни и погосты.

Диверсификация и разрастание корпуса наследия не только за счет экстенсивного добавления в федеральные списки местных объектов, но и включения национально и локально специфических форм ценного прошлого отражают степень вовлеченности местных защитников наследия, стремящихся к тому, чтобы вписать и утвердить собственное видение культурного наследия в общенациональном корпусе. Этот процесс, характерный далеко не только для России, отражает глобальную тенденцию к монополизации авторизованного дискурса наследия (Gutman et al. 2023; Kuutma 2013; Muzaini, Minca 2018; Robertson 2008, 2012). Сегодня различные группы формируют собственные системы ценностей, легитимируя их не через государственные экспертные институты, а через альтернативные формы экспертизы и оценки. Критерии отбора объектов, принципы их сохранения и сами списки приоритетных памятников зачастую формируются вне рамок официальных государственных или международных регламентов.

Заключение

В этой статье я попыталась наметить векторы развития режима наследия в СССР и постсоветской России. Используя в качестве якорей официальные списки памятников, которые ставились в разные годы на государственную охрану, я рассматриваю их одновременно и как исторические свидетельства менявшегося канона наследия, и как отражения более сложных и динамичных процессов согласования ценностей наследия между центральными и периферийными акторами – комитетами по охране памятников, экспертными сообществами, концентрирующимися в музеях, краеведческих обществах и исследовательских институтах.

Сформированный в 1930–1940-х гг. канон наследия не только утверждал прошлое Северо-Восточной Руси в качестве фундамента политической нации советского народа, но и отражал общие противоречия, связанные с этим понятием, его политической и исторического легитимацией. В то же время этот канон не был просто навязан местным элитам, но во многом свидетельствовал об установках и ценностях самих этих элит, разделявших европоцентричные взгляды на наследие и желание быть частью советской нации. Очевидные белые пятна на карте наследия Сибири и Дальнего Востока в те же годы свидетельствуют о двойном отказе – объектам, местам и ландшафтам, ценным с точки зрения коренных народов, было отказано в праве служить важными элементами национально значимого прошлого, и представители самих коренных народов отказывались разделять ценности европейского дискурса наследия в интерпретации собственной культуры и прошлого.

Последующая диверсификация списков наследия также остается противоречивой. Национальная представительность стремительно увеличивается к 1960-м гг., но отражает не столько инклюзивность локальных и национальных взглядов на ценность прошлого, сколько утверждение столичных взглядов на интернациональность политической нации советского народа и желание местных элит инвестировать в это общее наследие.

Трансформация режима наследия в постсоветское время, связанная с изменениями как в правовой и экономической сферах, так и в области исторической политики и реинтерпретации национальных нарративов, привела к тому, что канон наследия стал меняться не только в сторону еще большего разрастания списков памятников, но и в направлении демонополизации центра в качестве кодификатора ценного прошлого. Одним из ключевых эффектов общей динамики режима наследия в последние годы стало децентрирование империи наследия, которая, благодаря разнородным импульсам, больше не выглядит как имперское ядро, окруженное перифериями, а, скорее, предстает в виде многослойного пирога или пестрого одеяла многочисленных канонов наследия.

Примечания

- ¹ Дальнейшее развитие этой концепции см. в: (Geismar 2015).
- ² Многочисленные варианты определения «наследия» также становились предметом специального анализа. В своей «матрице дискурса сохранения» Кристофер Козел классифицирует дискурсы наследия по четырем параметрам: аутентичность, чувство принадлежности, адаптивное повторное использование и экономическое развитие (Koziol 2008). Полный обзор этих подходов и определений см.: (Carman, Sorensen 2009; Harrison 2010).
- ³ Культурное богатство использовалось и собственно как экономический ресурс, став в послереволюционные годы источником активного пополнения валютного фонда (Осокина 2020; Maddox 2015: 36).
- ⁴ Вот как народное достояние определяется, к примеру, в самом первом декрете 1918 г.: «В целях охранения, изучения и возможно полного ознакомления широких масс населения с сокровищами искусства и старины, находящимися в России» (Декрет 1918).
- ⁵ 90 памятников в Ленинграде с пригородами были включены в длинный список и 51 памятник – в короткий; в Москве это 83 памятника в длинном списке и 56 в коротком.
- ⁶ Данные приводятся по изданию: (Административно-территориальное 1934).
- ⁷ Именно так с июня 1925 г. по февраль 1936 г. называлась республика, переименованная затем в Казахскую АССР и в том же году преобразованная в Казахскую ССР.
- ⁸ Об истории самого понятия «памятник истории и культуры» см.: (Крылова 2017).
- ⁹ Обозначена в списке как финская кирка в с. Колпаны Гатчинского района Ленинградской области.
- ¹⁰ О значении работы Ригля «Современный культ памятников» (1903) для становления современного законодательства и практики в области охраны наследия и реставрации см.: (Сандомирская 2022).
- ¹¹ Также см. статьи Петра Неплюева и Веры Ключевой в этом номере журнала.
- ¹² См. подробнее об истории создания и деятельности ВООПИиК: (Hosking 2006: 358; Kelly 2016: 235; Brudny 1998: 69; Болтунова, Егорова 2022, Неплюев 2022).
- ¹³ Эти изменения были впоследствии закреплены законом об охране памятников, изданном в 1976 г. Здесь на граждан была возложена роль помощников в деятельности по сохранению наследия. Аналогичный республиканский закон 1978 г. еще больше расширил эти полномочия, объявив охрану памятников гражданским долгом и наделив ВООПИиК дополнительными обязанностями, включая общественный контроль за деятельностью по сохранению памятников.
- ¹⁴ Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (26 мая 1996 г. № 54-ФЗ); постановление Правительства РФ от 12.02.1998 № 179 (ред. от 08.05.2002 № 302) «Об утверждении Положений о Музейном фонде Российской Федерации, о Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации, о лицензировании деятельности музеев в Российской Федерации».
- ¹⁵ Согласно положению о Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации, вступившем в силу с 1 января 2017 г., все фонды должны быть зарегистрированы до конца 2025 г. в Государственном каталоге.
- ¹⁶ Один из них включал два объекта – стоянку Чес-тый-яг и городище.
- ¹⁷ Большинство из них зарегистрированы одним постановлением главы администрации Усть-Ордынского Бурятского округа в 2002 г.

Список источников

Административно-территориальное деление Союза ССР на 15 июля 1934 года / Центральный исполнительный комитет Союза ССР. М.: Власть Советов, 1934.
Аргенбрайт Р. Москва строящаяся: градостроительство, протесты градозащитников и гражданское общество. М.: Библиороссика, 2021.

- Басс В. Изобретение «Старого Петербурга» 100 лет назад: к истории самого успешного отечественного предприятия по отделению архитектуры от политики // Новое литературное обозрение. 2018. № 1 (149). С. 145–174.
- Бахарева М.А., Садова Е.С. «Том Соьер Фест» в Вологде: опыт участия горожан в сохранении исторического облика города // Городские исследования и практика. 2021. № 6 (3). С. 7–21.
- Бернштам Т. А. Старообрядцы и крестьянская бытовая роспись на Севере и в Поволжье: XVIII–XX вв. // Коллекции отдела Европы: Выставочные проекты. КATALOGИ. Исследования. СПб., 2008. С. 144–202.
- Болтунова Е., Егорова Г. Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». М.: Кучково поле, 2022.
- Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М.: РОССПЭН, 2017.
- Бранденбергер Д., Тихонов В.В., Фокин А.А., Баранов А.В. «Советская нация» vs «Советский народ»: к вопросу о проблематизации наднациональной идентичности // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 4. С. 176–220.
- Воззвание Совета рабочих и солдатских депутатов // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 9 (8 марта). С. 2.
- Выписка из протокола заседания Президиума ВЦИК от 10 июня 1934 г. об утверждении списка памятников архитектуры, находящихся под государственной охраной с приложением списка // Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р1235. Оп. 76. Д. 90. Л. 109–143.
- Выписка из протокола заседания Президиума ВЦИК от 20 марта 1935 г. об утверждении списка памятников архитектуры, находящихся под государственной охраной с приложением списка // ГАРФ. Ф. Р1235. Оп. 76. Д. 90. Л. 153–186.
- Гладарев Б. «Это наш город!»: Анализ петербургского движения за сохранение историко-культурного наследия // Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому. М. 2013. С. 23–145
- Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города // От общественного к публичному / под ред. О. Хархордина. СПб: изд-во ЕУСПб. 2011. С. 70–304.
- Голубев А. Вещная жизнь. Материальность позднего социализма. М.: НЛО, 2020.
- Гуров М.Б. «Краткое обозрение» А.Г. Глаголева – первый свод памятников истории и культуры России (По материалам изданий министерства внутренних дел 30–40-х гг. XIX в.) // Наследие веков. 2020. № 2 (22). С. 93–105.
- Гуров М.Б. Архитектурные памятники с религиозной составляющей как ценностное ядро первых утвержденных списков памятников советской России 1935 и 1947 гг. // Культурологический журнал. 2023. № 4. С. 16–45.
- Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 5 октября 1918 года «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» // Охрана памятников истории и культуры. Сб. документов. М.: Советская Россия, 1973. С. 22–24.
- Егорушкин Ю.А. Реализация государственной политики ТАССР в сфере сохранения объектов культурного наследия (1950-е – 1990-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2019.
- Еремин Л.В. Музеефикация особо охраняемых территорий историко-культурного значения в республиках Южной Сибири (конец XX – начало XXI века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010.
- Жуков Ю.Н. Теоретическое и практическое значение первого государственного списка недвижимых памятников РСФСР (1935 г.) // Памятник и современность. Вопросы освоения историко-культурного наследия. М., 1987. С. 75–101.
- Зверев А.А. «Мы наш, мы новый мир построим!» Факторы эволюции движения по охране памятников в Москве (1990–2015 гг.) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. № 12 (1). С. 90–105.

- Зверев А.А. Политическое измерение охраны памятников в России: кейс московского движения Архнадзор // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2017. № 19 (2). С. 118–129.
- Иванов Д.В. Революции и коллекции: Петроградское (Ленинградское) отделение Государственного музейного фонда и Музей антропологии и этнографии. СПб.: МАЭ РАН, 2018.
- Кантор Ю.З. Невидимый фронт. Музеи России в 1941–1945 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2017.
- КГИОП 2025. История. Официальный сайт Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры. URL: <https://kgiop.gov.spb.ru/o-komitete/istoriya-kgiop/>
- Келли К. «Исправить ли историю?». Споры об охране памятников в Ленинграде 1960–1980-х гг. // Неприкосновенный запас. 2009. № 2 (64). С. 117–139.
- Клоц А., Ромашова М. «Так вы живая история?»: советский человек на фоне тихой архивной революции позднего социализма // Антропологический форум. 2021. № 50. С. 169–199.
- Колесник А., Русанов А. Наследие-как-процесс: дискуссии о концепте культурного наследия в современных социальных и гуманитарных науках // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 3(58). С. 58–69.
- Крылова М.С. Понятие «памятник истории и культуры» в советском и российском законодательстве 1918–2002 гг. // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2017. № 3. С. 91–107.
- Кур-Королев К., Шмигельт-Ритиг У., Зубкова Е., Айхведе В. Грабеж и спасение: российские музеи в годы Второй мировой войны / пер. с нем. К. Левинсона. М.: Новое литературное обозрение, 2024.
- Лемьтская Д.Е. К проблеме выявления и постановки на охрану памятников архитектуры национальных автономий Сибири (на примере городов республики Хакасия Абакана и Черногорска) // Молодежь и наука: материалы VIII Всерос. науч. техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012.
- Лоуэнцаль Д. Прошлое – чужая страна. СПб.: Владимир Даль, 2004.
- Маслов Д.В. Локальные музеи и репрезентации этнической культуры алтайцев: дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклохо-Маклая, 2017.
- Мельникова Е.А. «Мезенская лошадка»: между традицией и брендом // Традиционная культура. 2021. № 1. С. 85–96.
- Мельникова Е.А. Северодвинские росписи в фондах МАЭ РАН // Восточноевропейские коллекции Музея антропологии и этнографии РАН. Т. LXIX. СПб.: МАЭ РАН, 2022. С. 54–76.
- Михайлов Е.П. На страже культурного наследия Чувашии (В.Ф. Каховский и охрана памятников истории и культуры) // Чувашская археология. 2018. № 3. С. 61–73.
- Михеева А.И., Перевозчиков Ю.А. Священные рощи марийцев как объекты культурного наследия // Финно-угорский мир в полиэтническом пространстве России: культурное наследие и новые вызовы. Ижевск, 2019. С. 514–517.
- Мочалова М. Производство знаний и наследия как борьба с неопределенностью: список коренных народов Таймыра в 1920–1930-е гг. // Сибирские исторические исследования. 2024. № 1. С. 139–165.
- Мухачев М. Ценное достояние // Марийская правда. 1969. 8 февр. С. 2.
- Неплюев П. «Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране»: историографический обзор историко-культурного активизма в позднесоветский период // Культурный код. 2020. № 3. С. 38–49.
- Неплюев П. Публичная история «по-советски». Региональные отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: «бюрократические правила игры»

- и историко-культурный активизм // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 3 (58). С. 79–93.
- Несовершенная публичная сфера: история режимов публичности в России / под ред. Т. Вайзер, Т. Атнашева, М. Велижева. М.: НЛЮ, 2021.
- Осокина Е. Небесная голубизна ангельских одежд. Судьба произведений древнерусской живописи, 1920–1930-е годы. 2-е изд. М.: НЛЮ, 2020.
- Охрана памятников истории и культуры. Сб. документов. М.: Советская Россия, 1973.
- Павлова М. Публичная сфера в движении: Клуб-81 и Группа спасения памятников архитектуры как примеры гражданской самоорганизации в позднесоветском Ленинграде // Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России / под ред. Т. Атнашева и др. М.: НЛЮ, 2021. С. 408–506.
- Паришкова Т.С. Мероприятия по охране археологических памятников Алтайского края в 1960-е гг. в связи с созданием Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2015. Вып. XXI. С. 45–48.
- Перетягина Е.В. История выявления, изучения и сохранения историко-культурного наследия Томской области // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета, 2008. № 2. С. 38–44.
- Постановление Правительства Республики Марий Эл от 24.08.1993 № 298 «О мерах по дальнейшему обеспечению сохранности археологических памятников и культовых мест на территории Республики Марий Эл». URL: <https://mar-el.gov.ru/upload/medialibrary/559/kja24ejleoj05wehe9sodcpne30158g6.pdf>
- Постановление Совета Министров РСФСР 22 мая 1947 г. // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР, 3. 1940–1947 гг. М.: Госюриздат, 1958. URL: <https://www.docs.historyrussia.org/ru/nodes/372108-ob-ohrane-pamyatnikov-arhitektury-postanovlenie-soveta-ministrov-rsfsr-22-maya-1947-g> (дата обращения: 15.12.2024).
- Постановление Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 О дальнейшем улучшении охраны памятников культуры в РСФСР. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=esu&n=3268#eklmxwuoyqdrspir1> (дата обращения: 15.12.2024).
- Правилова Е.А. Империя в поисках общего блага. Собственность в дореволюционной России. М.: НЛЮ, 2022.
- Приложение к постановлению Совета Министров РСФСР от 22 мая 1948 г. Список памятников архитектуры, подлежащих государственной охране на территории РСФСР (дополнительный).
- Разувалова А. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М.: НЛЮ, 2015.
- Распоряжение администрации Нижегородской обл. от 13 сентября 1996 г. № 1236-р об объявлении природных объектов государственными памятниками природы регионального (областного) значения. URL: <https://docs.cntd.ru/document/944904521>
- Ригль А. Современный культ памятников: его сущность и возникновение. М.: ЦЭМ, V-A-C press, 2018.
- Сандомирская И. Past discontinuous: фрагменты реставрации. М.: НЛЮ, 2022.
- Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Государственный институт искусствознания МК РФ. URL: https://ruinaru.ru/about_ru.php
- Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: НЛЮ, 2008.
- Смирнов Н. Ценное достояние истории // Марийская правда. 1969. № 120 (23 мая). С. 3.
- Собольникова Т.Н. Охрана памятников археологии и этнографии на территории Ханты-Мансийского автономного округа в 1960–1980-е гг. (по архивным документам окружного отделения ВООПИК) // Уральский исторический вестник. 2011. № 4 (33). С. 69–75.
- Собольникова Т.Н. Ханты-Мансийское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: к истории становления и функционирования //

- Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2009. Вып. 7. С. 110–122.
- Союрова А.В. Роль общественных учреждений в охране культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 1960-х – начале 1990-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 3 (41): в 2 ч. Ч. I. С. 156–160.
- Сухова А.Г. Государственная политика в сфере охраны памятников традиционной марийской религии «кӱсото» (священных рош), расположенных на территории Республики Марий Эл // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2018. Т. 4, № 2. С. 70–76.
- Чернышева Л., Хохлова А. Создавая ценность и аутентичность: городские конфликты вокруг исторических зданий // Журнал исследований социальной политики. 2021. № 19 (2). С. 223–238.
- Чуйкина С. Дворянская память: «Бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб.: ЕУСПб, 2006.
- Шагоян Г. Национальное по содержанию и социалистическое по форме: Палимпсест мемориалов Советской Армении // Армянский гуманитарный вестник. 2022. С. 122–144.
- Шенле А. Архитектура забвения. Руины и историческое сознание в России Нового времени. М.: НЛЮ, 2011.
- Штырков С., Кормина Ж. «Это наше исконно русское, и никуда нам от этого не деться»: предыстория постсоветской десекуляризации // Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте / науч. ред. Ж.В. Кормина, А.А. Панченко, С.А. Штырков. СПб.: Изда-во ЕУСПб, 2015.
- Abrahamian L. Yerevan: Memory and Forgetting in the Organization of Post-Soviet Urban Space // Russian Cultural Anthropology After the Collapse of Communism / eds. by A. Baiburin, C. Kelly, N. Vakhtin. Abingdon, Oxon: Routledge, 2012. P. 254–275.
- Bendix R., Eggert A., Peselmann A., eds. Heritage Regimes and the State. Göttingen: University Press, 2013.
- Bittner S. The Many Lives of Khrushchev's Thaw: Experience and Memory in Moscow's Arbat. Ithaca: Cornell University Press, 2008.
- Bogumil Z., Moran D., E. Harrowell Sacred or Secular? 'Memorial', the Russian Orthodox Church, and the Contested Commemoration of Soviet Repressions // Europe-Asia Studies. 2015. № 67 (9). P. 1416–1444.
- Brudny Y. Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State, 1953–1991. Cambridge, 1998.
- Brunstedt J. The Soviet myth of World War II: patriotic memory and the Russian question in the USSR. Cambridge, United Kingdom; New York, NY: Cambridge University Press, 2021.
- Carman J, Sørensen M. L. S., eds. Heritage studies: methods and approaches. London; New York: Routledge, 2009.
- Clark K. Changing Historical Paradigms in Soviet Culture // Late Soviet Culture: From Perestroika to Novostroika / eds. by A. Lahusen, G. Kuperman. Durham, N.C.: Duke University Press, 1993. P. 289–306.
- Cohen A.J. (a) The Limits of Iconoclasm: The Fate of Tsarist Monuments in Revolutionary Moscow and Petrograd, 1917–1918 // City: Analysis of Urban Change, Theory and Action. 2020. № 24 (3-4). P. 616–626.
- Cohen A.J. (b) War Monuments, Public Patriotism, and Bereavement in Russia, 1905–2015. Lanham: Lexington Books, 2020.
- Deschepper J. Between future and eternity: a Soviet conception of heritage // International Journal of Heritage Studies. 2019. 55(5). P. 491–506.
- Darjeva T., Kaschuba W., Melanie Krebs, eds. Urban Spaces after Socialism. Ethnographies of Public Places in Eurasian Cities. Frankfurt am Main: Campus, 2012.

- Demchenko I.* Decentralized Past: Heritage Politics in Post-Stalin Central Asia // *Future Anterior: Journal of Historic Preservation History, Theory, and Criticism*. 2011. № 8 (1). P. 64–80.
- Donovan V.* ‘How Well Do You Know Your Krai?’ The Kraevedenie Revival and Patriotic Politics in Late Khrushchev-Era Russia // *Slavic Review*. 2015. № 74 (3). P. 464–483.
- Donovan V.* *Chronicles in Stone: Preservation, Patriotism, and Identity in Northwest Russia*. Ithaca; New York: Cornell University Press, 2019.
- Eady K.* The Reconstruction of the Cathedral of Christ the Saviour: Public Space and National Identity in Post-Soviet Moscow // *University of Toronto Art Journal*. 2009. № 2 (11). URL: <https://utaj.library.utoronto.ca/index.php/utaj/article/view/6659/3671> (accessed: 27 August 2024).
- Forest B., Johnson J.* Unraveling the Threads of History: Soviet-Era Monuments and Post-Soviet National Identity in Moscow // *Annals of the Association of American Geographers*. 2002. № 92 (3). P. 524–547.
- Fureix E.* L’Œil blessé. Politiques de l’iconoclisme après la Révolution française. Ceyzérieu, Éditions Champ Vallon, coll. “Époques”, 2019.
- Gamboni D.* *The Destruction of Art: Iconoclasm and Vandalism since the French Revolution*. London: Reaktion Books, 1997.
- Gavrilova S.* Russia’s regional museums: representing and misrepresenting knowledge about nature, history and society. London; New York: Routledge; Taylor & Francis Group, 2023.
- Geering C.* Building a Common Past: World Heritage in Russia under Transformation, 1965–2000. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht unipress, 2019.
- Geismar H.* Anthropology and Heritage Regimes // *Annual Review of Anthropology*. 2015. № 44. P. 71–85.
- Gentry K., Smith L.* Critical Heritage Studies and the Legacies of the Late-twentieth Century Heritage Canon // *International Journal of Heritage Studies*. 2019. № 25 (11). P. 1148–1168.
- Gorshenina S., Tolz V.* Constructing Heritage in Early Soviet Central Asia: The Politics of Memory in a Revolutionary Context // *Ab Imperio*. 2016. № 4. P. 77–115.
- Graham B.J., Ashworth G.J., Tunbridge J.E.* *A Geography of Heritage: Power, Culture, and Economy*. London: Arnold; New York: Oxford University Press, 2000.
- Gutman Y., Wüstenberg J.* (eds.) *The Routledge Handbook of Memory Activism*. London; New York: Routledge, 2023.
- Harrison R.* What is Heritage? // *Understanding the Politics of Heritage* / ed. by R. Harrison. Manchester; Milton Keynes: Manchester University Press, 2010. P. 5–42.
- Harrison R., Dias N., Kristiansen K.* Introduction // *Critical Heritage Studies and the Futures of Europe* / eds. by R. Harrison, N. Dias, K. Kristiansen. 2023.
- Hosking G. A.* *Rulers and victims: the Russians in the Soviet Union*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 2006.
- Kelly C.* Iconoclasm and Commemorating the Past // *Constructing Russian Culture in the Age of Revolution 1881–1940* / eds. by C. Kelly, D. Shepherd. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 227–238.
- Kelly C.* *Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918–1988*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2016.
- Kelly C.* The Shock of the Old: Architectural Preservation in Soviet Russia // *Nations and Nationalism*. 2018. № 24 (1). P. 88–109.
- Koziol C.* Historic Preservation Ideology: A Critical Mapping of Contemporary Heritage Policy Discourse // *Preservation Education and Research*. 2008. № 1. P. 41–84.
- Kozlov D.* The Historical Turn in Late Soviet Culture: Retrospectivism, Factography, Doubt, 1953–1991 // *Kritika*. 2001. № 2 (3). P. 577–600.
- Kuutma K.* Between Arbitration and Engineering: Concepts and Contingencies in the Shaping of Heritage Regimes // *Bendix R., Eggert A., Peselmann A., eds. Heritage Regimes and the State*. Göttingen: University Press, 2013. P. 21–36.

- Maddox S. Saving Stalin's Imperial City: Historic Preservation in Leningrad, 1930–1950.
- Muzaini H., Minca C. After Heritage: Critical Perspectives on Heritage from Below. Northampton: Edward Elgar Pub. Inc., 2018.
- Ozouf M. Festivals and the French Revolution. Cambridge, Mass., 1988.
- Pattle S. Forging the Golden Ring: Tourist Development and Heritage Preservation in the Late Soviet Union // *The Slavonic and East European Review*. 2018. № 96 (2). P. 283–309.
- Qualls K. From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2009.
- Robertson I. Heritage from Below. Farnham, Surrey, England; Burlington, VT: Ashgate Pub. Company, 2012.
- Robertson I. Heritage from below: class, social protest and resistance // *The Ashgate Research Companion to Heritage and Identity* / eds. by P. Graham, P. Howard. Aldershot: Ashgate, 2008. P. 143–158.
- Rolf M. Soviet mass festivals, 1917–1991 / translated by C. Klohr. Pittsburgh, Pa.: University of Pittsburgh Press, 2013.
- Schönle A. Heritage matters: (De-)Mobilizing Monuments and (Mis-)Shaping Identities. Introduction // *Slavic Review*. 2012. № 71 (4). P. 737–744.
- Smith K.E. An Old Cathedral for a New Russia: The Symbolic Politics of the Reconstituted Church of Christ the Saviour // *Religion, State and Society*. 1997. № 25 (2). P. 163–175.
- Smith S.A. Contentious Heritage: The Preservation of Churches and Temples in Communist and Post-Communist Russia and China // *Past and Present*. 2015. Supplement 10. P. 178–213.
- Smith L. Uses of Heritage. London; New York: Routledge, 2006.
- Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York: Oxford University Press, 1989.
- Tunbridge, J.E., Ashworth, G. J. Dissonant Heritage: the Management of the Past as a Resource in Conflict. Chichester: Wiley, 1996.

References

- Abrahamian, L. (2012) 'Yerevan: Memory and Forgetting in the Organization of Post-Soviet Urban Space', in A. Baiburin, C. Kelly, N. Vakhtin (eds.) *Russian Cultural Anthropology After the Collapse of Communism*. Abingdon, Oxon: Routledge, pp. 254–275.
- Administrativno-territorial'noe delenie Soiuza SSR na 15 iul'ia 1934 goda [Administrative-territorial division of the Union of Soviet Socialist Republics as of 15 July 1934]. Tsentralny Iсполnitelny Komitet Soiuza SSR. Moscow: Vlast Sovetov, 1934.
- Bakhareva, M.A., Sadova E.S. (2021) "Tom Soier Fest" v Vologde: opyt uchastiia gorozhan v sokhranении istoricheskogo oblika goroda ['Tom Sawyer Fest' in Vologda: the experience of citizens' participation in the preservation of the historical image of the city], *Gorodskie issledovaniia i praktiki*, 6(3), pp. 7–21.
- Bass, V. (2018) 'Izobretenie "Starogo Peterburga" 100 let nazad: k istorii samogo uspešnogo otechestvennogo predpriiatiia po otdeleniiu arkhitektury ot politiki' [The invention of 'Old Petersburg' 100 years ago: to the history of the most successful domestic enterprise to separate architecture from politics], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1 (149), pp. 145–174.
- Bendix, R., Eggert A., Peselmann A., eds. (2013) *Heritage Regimes and the State*. Göttingen: University Press.
- Berger, S. (2015) 'National Museums in between Nationalism, Imperialism and Regionalism, 1750–1914', in P. Aronsson and G. Elgenius (eds.) *National museums and nation-building in Europe, 1750–2010: Mobilization and Legitimacy, Continuity and Change*, pp. 13–32.
- Bernshtam, T. A. (2008) Staroobryadcy i krestianskaya bytovaia rospis na Severe i v Povolzhie: XVIII–XX vv. [Old Believers and Peasant Domestic Painting in the North and Volga Region: 18th–20th Centuries], *Kollekcii otдела Evropy: Vystavochnye proekty. Katalogi. Issledovaniya*. St. Petersburg, pp. 144–202.

- Bittner, S. (2008) *The Many Lives of Khrushchev's Thaw: Experience and Memory in Moscow's Arbat*. Ithaca: Cornell University Press.
- Bogumił, Z., Moran, D. & E. Harrowell (2015) 'Sacred or Secular? 'Memorial', the Russian Orthodox Church, and the Contested Commemoration of Soviet Repressions', *Europe-Asia Studies*, 67 (9), pp. 1416–1444.
- Boltunova, E., Egorova G. (2022) *Territoriia i istoriia: pozdnesovetskie proekty 'Gorodageroi' i 'Zolotoe kol'tso'* [Territory and History: Late Soviet projects 'Hero Cities' and 'Golden Ring']. Moscow: Kuchkovo pole.
- Brandenberger, D. (2002) *National Bolshevism: Stalinist mass culture and the formation of modern Russian national identity, 1931-1956*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Brandenberger, D., Tihonov, V.V., Fokin, A.A., Baranov, A.V. (2022) «Sovetskaya natsiia» vs «Sovetskii narod»: k voprosu o problematizatsii nadnatsional'noi identichnosti ["Soviet Nation" vs. "Soviet People": On the Question of Problematizing Supranational Identity], *Novoe proshloe / The New Past*, 4, pp. 176–220.
- Brudny, Y. (1998) *Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State, 1953–1991*. Cambridge.
- Brunstedt, J. (2021) *The Soviet myth of World War II: patriotic memory and the Russian question in the USSR*. Cambridge, United Kingdom; New York, NY: Cambridge University Press.
- Burgess, J.P. (2007) Community of Prayer, Historical Museum, or Recreational Playground? Challenges to the Revival of the Monastic Community at Solovki, Russia, *International Journal for the Study of the Christian Church*, 7(3), pp. 194–209.
- Carman, J., Sørensen, M. L. S., eds. (2009) *Heritage studies: methods and approaches*. London; New York: Routledge.
- Chernysheva, L., Khokhlova A. (2021) Sozdavaia tsennost' i autentichnost': gorodskie konflikty vokrug istoricheskikh zdani [Creating Value and Authenticity: Urban Conflicts around Historical Buildings], *Zhurnal issledovaniï sotsial'noi politiki*, 19 (2), pp. 223–238.
- Clark, K. (1993) Changing Historical Paradigms in Soviet Culture, in A. Lahusen and G. Kuperman (eds.), *Late Soviet Culture: From Perestroika to Novostroika*. Durham, N.C.: Duke University Press, pp. 289–306.
- Cohen, A.J. (2020a) The Limits of Iconoclasm: The Fate of Tsarist Monuments in Revolutionary Moscow and Petrograd, 1917–1918, *City: Analysis of Urban Change, Theory and Action*, 24(3-4), pp. 616–626.
- Cohen, A.J. (2020b) War Monuments, Public Patriotism, and Bereavement in Russia, 1905–2015. Lanham: Lexington Books.
- Colla, M.A. (2024) Monument to Friendship: Socialist Modernity and the Reconstruction of Tashkent, 1966–1975, in M. Colla, P. Betts (ed.) *Rethinking Socialist Space in the Twentieth Century*. Palgrave Macmillan Cham.
- Darieva, T., Kaschuba, W. & Melanie Krebs, eds. (2012) *Urban Spaces after Socialism. Ethnographies of Public Places in Eurasian Cities*. Frankfurt am Main: Campus.
- Dekret Soveta Narodnykh Komissarov RSFSR ot 5 oktiabria 1918 goda «O registratsii, prieme na uchet i okhraneniï pamiatnikov iskusstva i stariny, nakhodiashchikhsia vo vladenii chastnykh lits, obshchestv i uchrezhdenii» [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of October 5, 1918 "On the registration, acceptance for registration and protection of monuments of art and antiquity in the possession of private individuals, societies and institutions"]. In: *Okhrana pamiatnikov istorii i kul'tury. Sb. dokumentov* [Protection of historical and cultural monuments. Collection of documents]. Moscow: «Sovetskaia Rossiia», 1973, pp. 22–24.
- Demchenko, I. (2011) Decentralized Past Heritage Politics in Post-Stalin Central Asia, *Future Anterior: Journal of Historic Preservation History, Theory, and Criticism*, 8(1), pp. 64–80.
- Deschepper, J. (2019) Between future and eternity: a Soviet conception of heritage, *International Journal of Heritage Studies*, 55(5), pp. 491–506.

- Donovan, V. (2015) 'How Well Do You Know Your Krai?' The Kraevedenie Revival and Patriotic Politics in Late Khrushchev-Era Russia, *Slavic Review*, 74(3), pp. 464–483.
- Donovan, V. (2019) *Chronicles in Stone: Preservation, Patriotism, and Identity in Northwest Russia*. Ithaca, New York: Cornell University Press.
- Eady, K. (2009) The Reconstruction of the Cathedral of Christ the Saviour: Public Space and National Identity in Post-Soviet Moscow, *University of Toronto Art Journal*, 2 (11). Available at: <https://utaj.library.utoronto.ca/index.php/utaj/article/view/6659/3671> (accessed 27 August 2024).
- Egorushkin, Iu.A. (2019) *Realizatsiia gosudarstvennoi politiki TASSR v sfere sokhraneniia ob'ektov kul'turnogo naslediia (1950-e – 1990-e gg.)* [Realisation of the TASSR state policy in the sphere of preservation of objects of cultural heritage (1950s – 1990s)]. Abstract of dissertation of Cand. of Historical Sciences. Kazan.
- Eriomin, L.V. (2010) *Muzeifikatsiia osobo okhraniaemykh territorii istoriko-kul'turnogo znachenii v respublikakh Iuzhnoi Sibiri (konets XX – nachalo XXI veka)* [Museification of specially protected territories of historical and cultural significance in the republics of South Siberia (late XX – early XXI century)]. Abstract of dissertation of Cand. of Historical Sciences. Tomsk.
- Forest, B. and J. Johnson (2002) Unraveling the Threads of History: Soviet-Era Monuments and Post-Soviet National Identity in Moscow, *Annals of the Association of American Geographers*, 92(3), pp. 524–547.
- Fureix, E. (2019) *L'Œil blessé. Politiques de l'iconoclasme après la Révolution française, Ceyzérieu*, Éditions Champ Vallon, coll. "Époques".
- Gamboni, D. (1997) *The Destruction of Art: Iconoclasm and Vandalism since the French Revolution*. London: Reaktion Books.
- Gantner, E., C. Geering and P. Vickers (2021) *Heritage under Socialism: Preservation in Eastern and Central Europe, 1945–1991*. New York, Oxford: Berghahn Books.
- Gavrilova, S. (2023) *Russia's regional museums: representing and misrepresenting knowledge about nature, history and society*. London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group.
- Geering, C. (2019) *Building a Common Past: World Heritage in Russia under Transformation, 1965–2000*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht unipress.
- Geismar, H. (2015) Anthropology and Heritage Regimes, *Annual Review of Anthropology*, 44, pp. 71–85.
- Gladarev, B. (2011) Istoriko-kul'turnoe nasledie Peterburga: rozhdenie obshchestvennosti iz dukha goroda [Historical and Cultural Heritage of St. Petersburg: the Birth of Public from the Spirit of the City], in O. Kharkhordin (ed.), *Ot obshchestvennogo k publichnomu*. St. Petersburg: Izd-vo EUSPb, pp. 70–304.
- Gladarev, B. (2013) 'Eto nash gorod!': Analiz peterburgskogo dvizheniia za sokhranenie istoriko-kul'turnogo naslediia ['This is our city!': Analysis of the St. Petersburg movement for the preservation of historical and cultural heritage], in K. Clement (ed.) *Gorodskie dvizheniia Rossii v 2009–2012 godakh: na puti k politicheskomu*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, pp. 44–51.
- Golubev, A. (2020) History in Wood: The Search for Historical Authenticity in North Russia, in A. Golubev, *The Things of Life: Materiality in late Soviet Russia*. Ithaca, New York: Cornell University Press, pp. 61–89.
- Gorshenina, S., Tolz V. (2016) Constructing Heritage in Early Soviet Central Asia: The Politics of Memory in a Revolutionary Context, *Ab Imperio*, 4, pp. 77–115.
- Graham, B.J., Ashworth, G.J. and J.E. Tunbridge (2000) *A Geography of Heritage: Power, Culture, and Economy*. London: Arnold; New York: Oxford University Press.
- Gurov, M.B. (2023) Arkhitekturnye pamiatniki s religioznoi sostavliaiushchei kak tsennostnoe iadro pervykh utverzhdenykh spiskov pamiatnikov Sovetskoi Rossii 1935 i 1947 gg. [Architectural monuments with a religious component as a value core of the first approved lists of monuments of Soviet Russia in 1935 and 1947], *Kul'turologicheskii zhurnal*, 4, pp. 16–45.

- Gurov, M.B. (2020) "Kratkoe obozrenie" A.G. Glagoleva – pervyi svod pamyatnikov istorii i kul'tury Rossii (Po materialam izdaniia ministerstva vnutrennih del 30–40-h gg. XIX v.) ["Brief Review" by A.G. Glagolev – the first collection of historical and cultural monuments of Russia (Based on materials from publications of the Ministry of Internal Affairs of the 1830s–1840s)], *Nasledie vekov*, 2 (22), pp. 93–105.
- Gutman, Y., Wüstenberg J., eds. (2023) *The Routledge Handbook of Memory Activism*. London; New York: Routledge.
- Gutman, Y., Wüstenberg J. (2022) Challenging the Meaning of the Past from Below: A Typology for Comparative Research on Memory Activists, *Memory Studies*, 15(5), pp. 1070–1086.
- Hallas-Murula, K., Truu, K. (2021) International Contacts and Cooperation in Heritage Preservation in Soviet Estonia, 1960–1990, in Gantner, E., C. Geering and P. Vickers (eds.) *Heritage under Socialism: Preservation in Eastern and Central Europe, 1945–1991*. New York, Oxford: Berghahn Books.
- Harrison, R. (2010) What is Heritage?, in R. Harrison (ed.) *Understanding the Politics of Heritage*. Manchester and Milton Keynes: Manchester University Press, pp. 5–42.
- Harrison, R., Dias N. and K. Kristiansen (2023) Introduction, in R. Harrison, N. Dias, K. Kristiansen (eds.) *Critical Heritage Studies and the Futures of Europe*.
- Hemme, D., M. Tauschek and R. Bendix, eds. (2007) 'Prädikat, 'Heritage'', in *Wertschöpfung aus kulturellen Ressourcen*. Munster: LIT.
- Hewison, R. (1987) *The Heritage Industry: Britain in a Climate of Decline*. London: Methuen London.
- Hosking, G. A. (2006) *Rulers and victims: the Russians in the Soviet Union*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press.
- Ivanov, D.V. (2018) *Revoliutsii i kollektsii: Petrogradskoe (Leningradskoe) otdelenie Gosudarstvennogo muzeinogo fonda i Muzei antropologii i etnografii* [Revolutions and Collections: Petrograd (Leningrad) Branch of the State Museum Fund and the Museum of Anthropology and Ethnography]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography.
- Ivanova, A.S. (2022) Podkhody k voprosam vyivleniia ob'ektov kul'turnogo nasledia krasnoarskogo kraia v zakonodatel'stve 1960–2020-kh godov [Approaches to the issues of identification of cultural heritage objects of the Krasnoyarsk region in the legislation of the 1960–2020s], in *Nauka, obrazovanie i eksperimental'noe proektirovanie*, pp. 238–241.
- Kantor, J. (2017) *Nevidimyi front. Muzei Rossii v 1941–1945 gg.* [Invisible front. Museums of Russia in 1941–1945] Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia.
- Kelly, C. (1998) Iconoclasm and Commemorating the Past, in C. Kelly and D. Shepherd (eds) *Constructing Russian Culture in the Age of Revolution 1881–1940*. Oxford: Oxford University Press, pp. 227–238.
- Kelly, C. (2009), 'Ispravlyat' li istoriyu?' Spory ob okhrane pamyatnikov v Leningrade 1960-kh–1970-kh gg. ['Are We to 'Correct' History?'] Debates on Preserving Architecture in Leningrad, 1960–1980], *Neprikosnovennyi zapas*, 2 (64), pp. 117–139.
- Kelly, C. (2016) *Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918–1988*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press.
- Kelly, C. (2018) The Shock of the Old: Architectural Preservation in Soviet Russia, *Nations and Nationalism*, 24 (1), pp. 88–109.
- KGIO 2025. Istoriia. Ofitsial'nyi sait Komiteta po gosudarstvennomu kontroliu, ispol'zovaniiu i okhrane pamiatnikov istorii i kul'tury [KGIO 2025. History. Official website of the Committee for State Control, Use and Protection of Historical and Cultural Monuments]. Available at: <https://kgiop.gov.spb.ru/o-komitete/istoriya-kgiop/>
- Klots, A., Romashova M. (2021) 'Tak vy zhivaya istoriya?': sovetskiy chelovek na fone tikhoy arkhivnoy revolyutsii pozdnego sotsializma ['Are You Living History?' – The Soviet Person and the Quiet Archival Revolution of Late Socialism], *Antropologicheskij forum*, 50, pp. 169–199.

- Kolesnik, A., Rusanov, A. (2021) Nasledie-kak-protsess: diskussii o kontsepte kul'turnogo naslediya v sovremennyh sotsial'nyh i gumanitarnykh naukakh [Heritage-as-Process: the Concept of Cultural Heritage in Contemporary Social Sciences and Humanities], *Vestnik Permskogo universiteta. Istorii*, 3(58), pp. 58–69.
- Kormina, J. (2020) “The Church Should Know its Place”: The Passions and the Interests of Urban Struggle in Post-Atheist Russia, *History and Anthropology*, 12, pp. 11–22.
- Kozioł, C. (2008) Historic Preservation Ideology: A Critical Mapping of Contemporary Heritage Policy Discourse, *Preservation Education and Research*, 1, pp. 41–84.
- Kozlov, D. (2001) The Historical Turn in Late Soviet Culture: Retrospectivism, Factography, Doubt, 1953–1991, *Kritika*, 2(3), pp. 577–600.
- Kuhr-Korolev, C., Schmiegelt-Rietig, U. und E. Zubkova, Wolfgang Eichwede (2019) *Raub und Rettung. Russische Museen im Zweiten Weltkrieg*. Köln: Böhlau.
- Kuutma, K. (2013) Between Arbitration and Engineering: Concepts and Contingencies in the Shaping of Heritage Regimes, Bendix R., Eggert A., Peselmann A., eds. *Heritage Regimes and the State*. Göttingen: University Press, pp. 21–36.
- Lemytskaia, D.E. (2012) K probleme vyavleniia i postanovki na okhranu pamiatnikov arkhitektury natsional'nykh avtonomii Sibiri (na primere gorodov respubliki Khakasii Abakana i Chernogorska) [To the problem of identification and protection of architectural monuments of national autonomies of Siberia (on the example of the cities of the Republic of Khakassia Abakan and Chernogorsk)], in *Molodezh i nauka: sb. materialov VIII Vserossiiskoi nauchno-tehnicheskoi konf. studentov, aspirantov i molodykh uchenykh*. Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi universitet.
- Macdonald, S. (2013) *Memorylands. Heritage and identity in Europe today*. London; New York: Routledge.
- Maddox, S. (2015) *Saving Stalin's Imperial City: Historic Preservation in Leningrad, 1930–1950*. Bloomington: Indiana University Press.
- Maslov, D.V. *Lokal'nye muzei i reprezentatsii etnicheskoi kul'tury altaitsev* [Local museums and representations of the ethnic culture of the Altai people]. Dissertation of candidate of historical sciences. Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklokh-Maklaia, 2017.
- Melnikova, E. (2024) Sharing and Conquering: Memory, Religion, and Belonging on the Island of Valaam, *Archives of Social Sciences of Religions*, 206, pp. 77–98.
- Mentges, G. (2012) The Role of UNESCO and the Uzbek Nation Building Process, in R. Bendix, A. Eggert, A. Peselmann (eds.) *Heritage regimes and the state*. Göttingen: Univ.-Verl. Göttingen, pp. 213–226.
- Mikhailov, E.P. (2018) Na strazhe kul'turnogo nasledii Chuvashii (V.F. Kakhovskii i okhrana pamiatnikov istorii i kul'tury) [On guard of the cultural heritage of Chuvashia (V.F. Kakhovsky and the protection of historical and cultural monuments)], *Chuvashskaia arkheologiya*, 3, pp. 61–73.
- Mochalova, M. (2024) The Production of Knowledge and Heritage as a Struggle Against Uncertainty: The Case of the Indigenous Peoples of Taimyr in the 1920s–1930s. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*, 1, pp. 139–165.
- Nepliev, P. (2020) ‘Esli chelovek ravnodushen k pamiatnikam istorii svoei strany, znachit, on ravnodushen k svoei strane’: istoriograficheskii obzor istoriko-kul'turnogo aktivizma v pozdnesovetskii period [‘If a Person is Indifferent to the Monuments of His Country’s History, It Means that He is Indifferent to His Country’: Historiographical Review of Historical and Cultural Activism in the Late Soviet Period], *Kul'turnyi kod*, 3, pp. 38–49.
- Nepliev, P. (2022) Publichnaia istoriia ‘po-sovetski’. Regional'nye otdeleniia Vserossiiskogo obshchestva okhrany pamiatnikov istorii i kul'tury: ‘biurokraticheskie pravila igry’ i istoriko-kul'turnyi aktivizm [Public History ‘in the Soviet Way’: Regional Branches of the All-Russian Society for the Protection of Monuments of History and Culture: ‘Bureaucratic Rules of the Game’ and Historical-Cultural Activism], *Vestnik Permskogo universiteta. Istorii*, 3 (58), pp. 79–93.

- Noskova, A.V. (2011) Okhrana istoriko-kul'turnogo naslediiia v Surgutskom raione Tiimenskoi oblasti (1920–1960 gg.) [Protection of historical and cultural heritage in Surgut district of Tyumen region (1920-1960)], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 4(33), pp. 76–82.
- O dal'neishem uluchshenii dela okhrany pamiatnikov kul'tury v RSFSR. Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR ot 30 avgusta 1960 g. No. 1327 [On further improvement of the protection of cultural monuments in the RSFSR. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR from 30 August 1960 No. 1327]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=esu&n=3268#eklmxwuoyqrdspir1> (accessed 15 December 2024).
- Ob okhrane pamiatnikov arkhitektury. Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR 22 maia 1947 g. [On the protection of architectural monuments. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR 22 May 1947], in *Khronologicheskoe sobranie zakonov, ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta i postanovlenii Pravitel'stva RSFSR*, 3. 1940–1947 gg. Moscow: Gosizurizdat, 1958. Available at: <https://www.docs.historyrussia.org/ru/nodes/372108-ob-okhrane-pamyatnikov-arhitektury-postanovlenie-soveta-ministrov-rsfsr-22-maya-1947-g> (accessed 15 December 2024).
- Odom, A., Salmond W. R., eds. (2009) *Treasures into Tractors: The Selling of Russia's Cultural Heritage, 1918–1938*. Washington DC: Hillhouse Museum.
- Ohrana pamyatnikov istorii i kultury. Sbornik dokumentov [Protection of historical and cultural monuments]. Moscow: Sovetskaiia Rossiia, 1973.
- Ozouf, M. (1988) *Festivals and the French Revolution*. Cambridge, Mass.
- Parshikova, T.S. (2015) Meropriiatiia po okhrane arheologicheskikh pamiatnikov altaiskogo kraia v 1960-e gg. v sviazi s sozdaniem Vserossiiskogo obshchestva okhrany pamiatnikov istorii i kul'tury (VOOPiK) [Measures to protect archaeological monuments of the Altai region in the 1960s in connection with the establishment of the All-Russian Society for the Protection of Monuments of History and Culture (VOOPiK)], in *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia*. pp. 45–48.
- Pattle, S. (2018) Forging the Golden Ring: Tourist Development and Heritage Preservation in the Late Soviet Union, *The Slavonic and East European Review*, 96(2), pp. 283–309.
- Pavlova, M. (2021) Publicnaia sfera v dvizhenii: Klub-81 i Gruppa spaseniia pamiatnikov arkhitektury kak primery grazhdanskoi samoorganizatsii v pozdnesovetskom Leningrade [The Public Sphere in Motion: Club-81 and the Group for the Rescue of Architectural Monuments as Examples of Civic Self-Organization in Late Soviet Leningrad], in T. Atnashev et al. (eds.), *Nesovershennaia publichnaia sfera. Istoriia rezhimov publichnosti v Rossii* [The Imperfect Public Sphere. History of publicity regimes in Russia]. Moscow: Novoe Literatorunor Obozrenie, pp. 408–506.
- Peretiagina, E.V. (2008) Istoriia vyiavleniia, izucheniia i sokhraneniia istoriko-kul'turnogo naslediiia Tomskoi oblasti [History of identification, study and preservation of historical and cultural heritage of the Tomsk region], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, 2, pp. 38–44.
- Pimenova, K. (2022) Human Remains and Indigenous Religiosity in the Museum Space: Ritual Relations to the Altaian Mummy in the Anokhin National Museum of the Altai Republic, Russia, in *Contemporary Indigenous Cosmologies and Pragmatics*. University of Alberta Press, pp. 253–284.
- Pimenova, K. (2023) From a museum of Others to a museum of Selves: Repatriation, affective relations, and social values of archaeological human remains, *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 13 (1), pp. 159–178.
- Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Marij El ot 24.08.1993 No. 298 “O merakh po dal'neishemu obespecheniiu sokhrannosti arheologicheskikh pamiatnikov i kultovykh mest na territorii Respubliki Marij El” [Decree of the Government of the Republic of Mari El No. 298 of August 24, 1993, “On measures to further ensure the preservation of archaeological monuments and religious sites on the territory of the Republic of Mari El”].

- Available at: <https://mari-el.gov.ru/upload/medialibrary/b7d/u10eamcchhyyc3n2w3lubhjhdcru1p0g.pdf> (Accessed 15 December 2024).
- Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR 22 maia 1947 g. [Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of May 22, 1947]. In: *Khronologicheskoe sobranie zakonov, ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta i postanovlenii Pravitel'stva RSFSR, 3. 1940–1947 gg.* [Chronological collection of laws, decrees of the Presidium of the Supreme Soviet and resolutions of the Government of the RSFSR, 3. 1940–1947.]. Moscow: Gosiurizdat, 1958. Available at: <https://www.docs.historyrussia.org/ru/nodes/372108-ob-ohrane-pamyatnikov-arhitektury-postanovlenie-soveta-ministrov-rsfsr-22-maya-1947-g> (Accessed 15 December 2024).
- Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR ot 30 avgusta 1960 g. № 1327 O dal'neishem uluchshenii okhrany pamiatnikov kul'tury v RSFSR [Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of August 30, 1960 No. 1327 On further improvement of the protection of cultural monuments in the RSFSR]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=esu&n=3268#eklmxwuoyqrdspir1> (Accessed 15 December 2024).
- Prilozhenie k postanovleniiu Soveta Ministrov RSFSR ot 22 maia 1948 g. Spisok pamiatnikov arkhitektury, podlezhashchikh gosudarstvennoi okhrane na territorii RSFSR (dopolnitel'nyi) [Appendix to the Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of May 22, 1948 List of architectural monuments subject to state protection on the territory of the RSFSR (additional)].
- Rasporiazhenie administratsii Nizhegorodskoi obl. ot 13 sentiabrya 1996 g. No. 1236-r ob obyavlenii prirodnykh obektov gosudarstvennymi pamiatnikami prirody regionalnogo (oblastnogo) znachenii [Order of the Administration of the Nizhny Novgorod Region No. 1236-r dated September 13, 1996, on the declaration of natural objects as state natural monuments of regional (provincial) significance]. Available online at: <https://docs.cntd.ru/document/944904521> (Accessed 15 December 2024).
- Qualls, K. (2009) *From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Rolf, M. (2013) *Soviet mass festivals, 1917–1991*; translated by C. Klohr. Pittsburgh, Pa.: University of Pittsburgh Press.
- Rousselet, K. (2024) Saint Catherine's Cathedral in Ekaterinburg and Disputes over the Common Good, *Archives of Social Sciences of Religions*, 206, pp. 151–180.
- Rychkova, N. (2024) “A Right to the Square”: Practices of Urban Space Appropriation by the Religious Community of the Strastnoy Monastery in Moscow, *Archives of Social Sciences of Religions*, 206, pp. 123–150.
- Sandomirskaja, I. (2022) *Past Discontinuous: fragmenty restvratsii* [Past Discontinuous: fragments of restoration]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.
- Shagoian, G. (2022) “Natsional'noe po sodержaniyu i sotsialisticheskoe po forme”: Palimpsest memorialov Sovetskoi Armenii [‘National in Content and Socialist in Form’: Palimpsest of Memorials of Soviet Armenia], *Armianskii gumanitarnyi vestnik*, pp. 122–144.
- Shtyrkov, S., Kormina J. (2015) “Eto nashe iskonno russkoe, i nikuda nam ot etogo ne detsya”: predystoriya postsovetskoy desekulyarizatsii [‘This is Our Primordially Russian and We Can't Get away from It’: Prehistory of the Post-Soviet Desecularization], in J. Kormina, A. Panchenko, S. Shtyrkov (eds.), *Izobretenie religii: desekulyarizatsiya v postsovetskom kontekste* [Invention of Religion: Desecularization in the Post-Soviet Context]. St. Petersburg: Izd-vo EUSPb, pp. 7–45.
- Sklokina, I. (2021) International Tourism and the Making of the National Heritage Canon in Late Soviet Ukraine, 1964–1991, in E. Gantner, C. Geering and P. Vickers (eds.), *Heritage under Socialism: Preservation in Eastern and Central Europe, 1945–1991*. New York, Oxford: Berghahn Books.

- Smith K.E. (1997) An Old Cathedral for a New Russia: The Symbolic Politics of the Reconstituted Church of Christ the Saviour, *Religion, State and Society*, 25(2), pp. 163–175.
- Smith S.A. (2015) Contentious Heritage: The Preservation of Churches and Temples in Communist and Post-Communist Russia and China, *Past and Present*, Supplement 10, pp. 178–213.
- Smith, L. (2006) *Uses of Heritage*. London; New York: Routledge.
- Sobol'nikova, T.N. (2011) Okhrana pamyatnikov arkhologii i etnografii na territorii Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga v 1960–1980-e gg. (po arkhivnym dokumentam okruzhnogo otdeleniia VOOPiK) [Protection of archaeological and ethnographic monuments on the territory of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in 1960-1980-ies (on archival documents of the district branch of VOOPiK)], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 4(33), pp. 69–75.
- Sobol'nikova, T.N. (2009) Khanty-Mansiiskoe otdelenie Vserossiiskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury: k istorii stanovleniia i funktsionirovaniia [Khanty-Mansiysk branch of the All-Russian Society for the Protection of Monuments of History and Culture: to the history of formation and functioning], *Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo*, 7, pp. 110–122.
- Soiurova, A.V. (2014) Rol' obshchestvennykh uchrezhdenii v okhrane kul'turnogo naslediia Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Iugry v 1960-kh – nachale 1990-kh gg. [The role of public institutions in the protection of cultural heritage of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra in the 1960s – early 1990s], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 3 (41), pp. 156–160.
- Soiurova, A.V. (2015) *Okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury na severe Zapadnoi Sibiri v 1917–1991 gg. (po materialam Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Iugry)* [Protection of historical and cultural monuments in the north of Western Siberia in 1917–1991 (on the materials of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra)]. Abstract of dissertation of candidate of historical sciences. Ekaterinburg.
- Stites, R. (1989) *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. New York: Oxford University Press.
- Suhova, A.G. (2018) Gosudarstvennaia politika v sfere okhrany pamyatnikov traditsionnoi mariiskoi religii “kysoto” (sviashchennykh roshch), raspolozhennykh na territorii respubliky Marii El [State policy in the sphere of protection of monuments of the Mari traditional religion ‘kysoto’ (sacred groves) located on the territory of the Republic of Mari El], *Vestnik mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia “Istoricheskie nauki. Iuridicheskie nauki”*, 4(2), pp. 70–76.
- Swenson, A. (2013) *The Rise of Heritage: Preserving the Past in France, Germany and England, 1789–1914*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tchouikina, S. (2006) *Dvorianskaia pamiat: “byvshie” v sovetskom gorode (Leningrad, 1920–30-e gody)* [Noble Memory: “Formers” in a Soviet City (Leningrad, 1920–30s)]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press.
- Tocheva, D. (2022) Custodians of heritage and faith: Orthodox Christianity in a Russian state museum, *Civilisations*, 71, pp. 115–136.
- Tunbridge, J.E., Ashworth, G. J. (1996) *Dissonant Heritage: the Management of the Past as a Resource in Conflict*. Chichester: Wiley.
- Veizer, T., Atnashev, T., Velizhev, M., eds. (2021) *Nesovershennaya publichnaya sfera: istoriya rezhimov publichnosti v Rossii* [The Imperfect Public Sphere: The History of Public Regimes in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Vozzvanie Soveta Rabochikh i Soldatskikh Deputatov [Appeal of the Council of Workers' and Soldiers' Deputies], *Izvestiia Petrogradskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov*. no. 9. 8 March 1917. P. 2.

- Vypiska iz protokola zasedaniia Prezidiuma VTsIK ot 10 iunია 1934 g. ob utverzhdenii spiska pamiatnikov arkhitektury, nakhodiashchikhsia pod gosudarstvennoi okhranoi s prilozheniem spiska [Extract from the minutes of the meeting of the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee on June 10, 1934 on the approval of the list of architectural monuments under state protection with the appendix of the list], *State Archive of the Russian Federation (GARF)*. Fund R1235. List 76. D. 90. File 109–143.
- Vypiska iz protokola zasedaniia Prezidiuma VTsIK ot 20 marta 1935 g. ob utverzhdenii spiska pamiatnikov arkhitektury, nakhodiashchikhsia pod gosudarstvennoi okhranoi s prilozheniem spiska [Extract from the minutes of the meeting of the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee on March 20, 1935 on the approval of the list of architectural monuments under state protection with the appendix of the list], *State Archive of the Russian Federation (GARF)*. Fund R1235. List 76. File 90. P. 153–186.
- Winter, T. (2015) Heritage and Nationalism: An Unbreachable Couple?, in E. Waterton and S. Watson (eds.) *The Palgrave Handbook of Contemporary Heritage Research*, pp. 331–345.
- Zhukov, Iu.N. (1987) Teoreticheskoe i prakticheskoe znachenie pervogo gosudarstvennogo spiska nedvizhimykh pamiatnikov RSFSR (1935 g.) [Theoretical and practical significance of the first state list of immovable monuments of the RSFSR (1935)], in *Pamiatnik i sovremennost' . Voprosy osvoeniia istoriko-kul'turnogo naslediiia*. Moscow, pp. 75–101.
- Zubkova, E. (2018) Liudi i muzei: transformatsiia kul'turnogo landshtafta Novgoroda i Pskova v pervoi treti XX veka' [People and museums: transformation of the cultural landscape of Novgorod and Pskov in the first third of the twentieth century], in *Lichnost' , obshchestvo i vlast' v istorii Rossii*. Novosibirsk, pp. 151–169.

Сведения об авторе:

МЕЛЬНИКОВА Екатерина Александровна – кандидат исторических наук, доцент, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: Melek@eu.spb.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ekaterina A. Melnikova, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: Melek@eu.spb.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 14 июля 2025;
принята к публикации 8 августа 2025.*

*The article was submitted 14.07.2025;
accepted for publication 08.08.2025.*